

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 3 (6302) 2009

ДЕНЬЯСЫ

Воспоминания
Роберта
Нигматулина

с. 4-5

Лидии
Сейфуллиной
120 лет

с. 12

Беседа с Лимой
Кустабаевой

с. 3

Стихи
Алены
Каримовой

с. 15

О судьбе
татарского
кино

с. 9

Ренат ХАРИС

ТАНЦУЕТ ТАТАРОЧКА

Ах, как робко,
тихо как
танец начинает!
Будто тесто на чак-чак
мелко нарезает.

Сарафан – от плеч до пят,
блики вдоль подола.
Маслом ичиги шипят,
чуть касаясь пола.

Две косы, прильнув к груди,
блещут чернью сажи.
Две косы,
как две змеи,
замерли на страже.

Не страшны на вид они
под покровом шали,
но лишь руку протяни –
намертво ужалят.

То пойдет, сужая круг,
то забьется слепо,
как гусыня, вспомнив вдруг
про свободу неба.

А потом опять плывет
грустно и несмело.
Но смирения ее
не приемлет тело.

Щеки радостно горят,
веселей скольжение.
Вся она – от плеч до пят –
вызов и смущенье!

Перевод Вадима Кузнецова

Художник Шакир ЗАКИРОВ. Невестка
Из коллекции Рауля МИР-ХАЙДАРОВА

Хроника месяца

ОРЕНБУРГ

В 103-ю годовщину со дня рождения Мусы Джалиля в Оренбургском государственном педагогическом университете прошел вечер памяти поэта-героя.

Муса Джалиль родился в 1906 году в селе Мустафино Оренбургской области.

Для гостей вечера памяти поэта оренбургские студенты подготовили литературно-музыкальные композиции «Патриотизм в системе российских ценностей» и «Мужество останется в веках». Свое выступление представила оренбургская городская общественная организация татарской молодежи «Яшьлек» («Молодость»).

ТАШКЕНТ

В феврале всем так хочется весны, душа просит песни. Весенний мир - это великая симфония жизни. А исполнить эту праздничную мелодию лучше всего может молодое сердце. Организаторы Международного конкурса молодых исполнителей «Татар моңы» решили провести смотр и отбор талантливой молодёжи.

На конкурс собрались лучшие из лучших из Ташкента, Бухары, Янгйюля, Навои, Алмалыка. В большом зале музыкального колледжа имени Хамзы собрались талантливые исполнители.

Запомнилось яркое исполнение аккордеониста Ильнура Рахматуллина из Алмалыка, Гузаль Тадиева сыграла на фортепиано прелюдию Р. Яхина, Тамил Курмакаева с душой спела песню «Туган Җел», Лия Бекмухамедова задорно исполнила песню «Гармун алык әле дускай», Азамат Исмаилов лирично исполнил песню «Туган кән», Марат Нургалиев проникновенно спел песню «Нәрсә булды сиңа буген», Тимур Ибрагимов и Евгений Илюшкин так же порадовали своими весёлыми песнями.

А на следующий день состоялся гала-концерт конкурсантов международного конкурса «Татар моңы». Концерт открыли гости из посольства РФ и представительства Татарстана в республике Узбекистан.

Режиссёр-постановщик концерта - заслуженный деятель культуры Республики Татарстан Баймурзина Райса Абдулхаевна разработала великолепное шоу, в котором все участники концерта показали свои таланты. Райса Баймурзина и Руслан Гайнанов были ведущими программы. Зрители тепло встретили лучшие народные и эстрадные песни, зажигательные татарские танцы, башкирский танец очаровал всех своей грациозностью.

Конкурс помог выявить талантливую молодёжь. Он подарил радость зрителям. Хотелось бы, чтобы проведение такого молодежного конкурса стало хорошей традицией в Узбекистане.

ПЕРМЬ

В Бардымском районе Пермского края впервые прошли «Ягафаровские чтения», посвященные памяти известного ученого, писателя, общественного деятеля Рашита Ягафарова.

В деревне Константиновка на стене здания средней школы появилась мемориальная доска памяти Ягафарова. После этого было объявлено о присвоении учебному заведению имени писателя. Здесь также прошли фольклорный фестиваль коллективов художественной самодеятельности Пермского края, конкурс чтецов. Открылась выставка местных художников.

Рашит Ягафаров родился в 1946 году в деревне Константиновка Бардымского района Пермской области. На протяжении многих лет являлся научным сотрудником Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимовца АН РТ. Видный исследователь в области национального фольклора Рашит Ягафаров – автор-составитель более 15 книг. Долгое время Р. Ягафаров возглавлял национальное татарское движение. Он был организатором общества «Магариф» («Просвещение»), являлся председателем Татарского общественного центра, первым председателем Татарстанского регионального отделения ООД «Российское исламское наследие».

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Пенсионер из г. Березовского Т. Х. Сиразетдинов прислал губернатору края Аману Тулееву письмо, в котором предложил свою небольшую месячную пенсию для борьбы с кризисом. «Это не спонсорская помощь - пишет Талгат Хайдарович. - Нет! Просто хочу, чтобы внук мой в будущем не знал нужды, как его дед. На какой счёт перечислить? За меня и внука не беспокойтесь. Как-нибудь проживём. Пенсия у меня 4,5 тысячи рублей. Может, и другие последуют моему примеру. Ведь не для дяди Сэма, а для себя, для своих детей, внуков стараемся». Губернатор Аман Тулеев поблагодарил Талгата Хайдаровича Сиразетдинова за отеческую заботу, неравнодушие к проблемам Кузбасса, и представил его к областной награде «За веру и добро».

КЕМЕРОВО

В г. Кемерово было Учреждено Духовное Управление Мусульман области.

Решение об учреждении организации было принято единогласно участниками первого учредительного собрания. Они также избрали муфтия области, им стал Тагир хазрат Давлеткулов. До этого Тагир Тимеркавич Давлеткулов был имамом в Башкирии.

Под началом управления будут находиться все зарегистрированные религиозные организации мусульман области, которых в Кузбассе больше десяти.

МОСКВА

В Москве в манеже ЦСКА завершился зимний чемпионат РФ по легкой атлетике в закрытых помещениях.

Татарстан на соревнованиях представляли 14 спортсменов, трое из которых завоевали медали разного достоинства.

Руслан Гатауллин завоевал «золото» в прыжках в длину с результатом 7,85 м. «Серебро» досталось Александре Кирышовой в прыжках с шестом. В беге на 60 с барьером Айдар Гилязов завоевал «бронзу».

ЕКАТЕРИНБУРГ

В связи с 10-летием создания областной Федерации борьбы на поясах Екатеринбургская городская Дума за значительный вклад в развитие национальных видов спорта наградила Почетной грамотой президента Федерации мастера спорта А. Х. Габдрахманова и руководителя пресс-службы старшего преподавателя Уральского государственного университета Р. Л. Исхакова. Благодаря активной деятельности Федерации, этот татарский вид спорта стал любим и популярен в городе, играет заметную роль в физическом воспитании подрастающего поколения.

КАЗАНЬ

В октябре прошлого (2008) года в Казани состоялся 4-ый Международный кинофестиваль «Золотой Минбар». В рамках фестиваля в программе «Кино Татарстана» был показан новый мультипликационный фильм «Камыр-батыр», созданный по мотивам татарской народной сказки. Сценарий фильма написала киносценаристка Роза Хуснутдинова. Фильм был тепло встречен зрителями, особенно детской аудиторией.

САМАРА

Признания в любви к родному языку звучали из уст людей 20 национальностей. Именно такое число культурных центров участвовало в региональной конференции «Сохранение и развитие родных языков на территории Самарской области». Сможет ли область сохранить богатую языковую и культурную палитру?

Учеными-филологами и непосредственными носителями разных культур обсуждалось современное состояние языков народов Поволжья, проблемы связанные с ассимиляцией отдельных этносов, например, эрзя и мокша, поволжских немцев.

В Самарской губернии есть успешные примеры изучения родного языка и культуры в учебных заведениях, где существует так называемый этнокомпонент. Это школа «Яктылык», где уже более 10 лет дети изучают татарский язык и обычаи своих предков. В местах компактного проживания народов Поволжья – татар, чувшей, эрзя и башкир преподаются родной язык и литература.

Юное поколение самарцев не хочет отказываться от своих корней. Родной язык признан самым сильным инструментом сохранения и развития нашего духовного и материального наследия. По оценкам ЮНЕСКО, половина из 6 тысяч языков мира могут в ближайшее время исчезнуть с «лица» земли. Чтобы этого не случилось, каждый человек должен в детстве узнать и полюбить родную речь своего народа. Недаром в переводе с многих языков словосочетание «родной язык» звучит как материнский, язык матери.

УЛЬЯНОВСК

В Ульяновске местная татарская община уже долгое время ведет борьбу за возврат незаконно отнятого у верующих здания Исторической татарской мечети, расположенного по адресу ул. Федерации, 33.

Построенное татарским фабрикантом Акчуриным в 1853 году, это здание представляет собой памятник архитектуры. В 30-х годах оно служило как Татарский клуб, а в 1940 г. было передано в распоряжение Горсовета и превращено в пекарню.

Многолетняя деятельность пекарни довела здание храма до плачевного состояния. В 1988 году татарская общественность города обратилась к местным властям с требованием прекратить разрушающее действие пекарни и вернуть мечеть мусульманам области. Ответ был краток: «город нельзя оставить без хлеба».

Надежды в сердца мусульман вселило распоряжения Президента Российской Федерации «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23 апреля 1993 года, согласно которому все архитектурные памятники и культовые здания, некогда отнятые у верующих, должны были быть возвращены владельцам. Но к моменту его выхода мечеть была незаконно приватизирована акционерным обществом «Ульяновскхлебпром».

Создается впечатление, что чиновники областной администрации постарались сделать все возможное, дабы воспрепятствовать возвращению мечети мусульманам, вплоть до действий, нарушающих закон.

Недавно Духовное управление мусульман Европейской части России, обеспокоенное ситуацией вокруг мечети, обратилось в Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом с просьбой рассмотреть вопрос о возможности передачи мечети Центральному духовному управлению мусульман Ульяновской области, входящему в состав ДУМЕР.

Несмотря на все трудности, татарская община Ульяновска полна решимости добиться возвращения святыни мусульманам.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Житель города программист Зубаер Мифтахов сделал попытку создать татарско-русский электронный переводчик. Совсем недавно он закончил первый рабочий вариант программы с названием «ТатаРус». Она разработана на основе программы Word, что позволяет программе «ТатаРус» быть общедоступной. В области электронного татарского языка З. Мифтахов работает на протяжении нескольких лет, он автор электронного корректора «Субра».

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Многолетний труд ученого-историка, лауреата Государственной премии Республики Татарстан в области науки Рамзии Гиниятовны Мухамедовой воплотился в книге «Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование», которая вышла в издательстве «Магариф» (г. Казань).

Татары-мишари представляют вторую по численности группу татар Среднего Повол-

жья, предки которых еще задолго до появления чингизидов освоили эту территорию.

В книге на основе многолетних

экспедиционных исследований и других источников анализируется материальная и духовная культура мишарей второй половины XIX — начала XX вв. Однако хронологические рамки работы гораздо шире исследуемого периода.

Монография рассчитана на этнографов, историков, работников культуры, студентов, учителей и на широкий круг читателей.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Юбилей старейшего педагога

Около полувека посвятил школьному делу заслуженный учитель Российской Федерации Шакирзян Залаяев. С молодых лет он избрал нелегкую, полную забот стезю педагога, стезю человека, несущего разумное, доброе, светлое. От рядового учителя Ш.Залаяев прошел путь до начальника отдела образования Азнакаевского района. Именно в годы его руководства произошли заметные изменения в районных школах: построены новые здания, а педагогические коллективы обновились квали-

фицированными учителями. Организаторский и педагогический талант Ш. Залаяева был высоко оценен: он стал лауреатом самой авторитетной в области просвещения премии – премии им. Н.К. Крупской. Старейший педагог известен в крае и как горячий энтузиаст пропаганды богатого национального наследия – культуры, истории, народных традиций. Он часто выступает со статьями в местной печати.

В дни своего 80-летия Шакирзян Залаяев от сотен своих воспитанников и коллег по профессии услышал благодарные слова любви и признательности.

Зеркало души народной

Такой судьбе, как у Лимы КУСТАБАЕВОЙ, можно только позавидовать. Она – дирижер, режиссер, сценарист, педагог, профессор, заслуженный деятель искусств Татарстана и России, народная артистка России.

И россияне, и иностранцы восхищались уникальными постановками Кустабаевой. Таких изумительных спектаклей было более 25! Специалисты говорят, что Лима Кустабаева открыла особый вид синкретического художественного творчества – театрализованное представление. И с такими представлениями ансамбль объехал полсвета...

Сегодня Лима Кустабаева – в гостях у газеты «Татарский мир».

– Лима Галиевна, Вы очень много добились, как хоровой дирижер, режиссер, сценарист, педагог... Вся жизнь связали с национальным искусством. А с чего началась Ваша дорога в искусство? Может быть с родителей?

– Мама родилась в городе Троицке Челябинской области, который тогда был центром татарской культуры и просвещения. В юности работала учителем, потом воспитывала нас, детей. Отец работал инженером – металлургом, был автором интересных изобретений. Сам он родом из башкирской деревни, но мальчишкой попал в Магнитогорск. Я родилась в Магнитогорске. Я – третий ребенок, у меня еще брат и сестра. Мы с сестрой в паспорте записаны как татарочки, по маме, а брат – башкир, по папе. Между прочим, известный род моего отца назывался «Татарлар».

У нас в семье всегда было очень много книг. Мы жили в доме, где на первом этаже имелся книжный магазин. Помню, как отец возвращался домой с большим свертком под мышкой, в котором были книжные тома...

Так что я с детства очень любила читать. Книги для меня были дороже, чем музыка...

– Но музыкой все-таки занимались?

– Отец очень любил музыку, и народную, скажем, наигрыши на башкирском курае, и классику. Помню, как после каждой командировки папа рассказывал, в какой ходил оперный театр, на какой концерт. Дома у нас была масса пластинок. Мы часто слушали их, и классику, и всех известных певцов – русских, татарских...

Я еще ребенком слушала музыку Сайдашева. Так что первые мои впечатления о татарской музыке я получила в детстве. Еще тогда сайдашевские мелодии вошли в мою душу, в мое сердце...

Понятно, что музыке учили в нашей семье всех троих детей. Педагоги приходили к нам домой. Брата учили играть на скрипке, хотя он, надо сказать, отлынивал от этого дела. Мы с сестрой играли на фортепиано. В итоге сестра закончила Челябинский медицинский институт, брат – Свердловский политехнический...

– И только Вы – консерваторию. Почему именно Казанскую?

– Представьте себе, я с пяти лет знала, где буду учиться. Прямо-таки перспективные планы у родителей были насчет меня. Так и говорили: вот вырастешь и поедешь в Казань, в консерваторию.

– Сбылось!

– Сначала закончила в Магнитогорске музыкальную школу, потом музыкальное училище, очень сильное!

– Вы легко поступили в Казанскую консерваторию?

– Очень легко. Еще бы – после такого музучилища... И я уже знала, у какого педагога хочу учиться – у Владимира Михай-

ловича Васильева. Тогда он был дирижером – хоровиком, позднее долгие годы работал главным дирижером Татарского оперного театра, и сейчас работает в оперном, преподает в консерватории. Я о нем узнала еще в музучилище от тех педагогов-ленинградцев, которые у нас преподавали. И ехала в Казань учиться именно к нему. На старших курсах уже была у него концертмейстером. А еще хорам руководила, преподавала на музфаке пединститута...

– А как Вы пришли в республиканский Ансамбль песни и танца?

– Совершенно неожиданно. Когда училась в консерватории, и когда уже работала в музучи-

ленинградцев, которые у нас преподавали. И ехала в Казань учиться именно к нему. На старших курсах уже была у него концертмейстером. А еще хорам руководила, преподавала на музфаке пединститута...

– Лима Галиевна, теперь расскажите про свое ноу-хау в искусстве – театрализованное представление. Ведь это благодаря им Ваш ансамбль стал известен во многих странах мира...

– Идею подсказало народное творчество, национальные традиции, а отчасти и традиции ансамбля. Да, когда я в него пришла, он был в полураспаде... Хор пел отдельно, выстраиваясь в две линии, танцоры выходили отдельно. Но зачатки театрализованного представления уже имелись. Была интереснейшая

приходилось создавать пьесу самой. Я старалась написать такой сценарий, чтобы в нем отражалась поэзия наших народных традиций, чтобы представление получилось ярким, красочным, праздничным...

– На самом-то деле Вы создали настоящий музыкальный театр – татарский национальный...

– Да, наверное, мы были ближе к театру. Почему – именно театрализованное представление? Потому что народные песни и танцы все-таки связаны обычно с каким-то событием, действием, праздником...

– У Вас было более 25 театрализованных программ. Какие наиболее дороги Вам?

Поэзия национальных традиций...

– Для меня все дороги, все – словно были только вчера. Это настолько все свежо... Мне очень дороги программы «Мой Сайдаш», «Сабантуй»... Или возьмите начало 90-х, когда стал утверждаться новый взгляд на духовную культуру. Появились религиозные праздники, в Татарстане стал праздноваться Курбан байрам. И я сделала программу, которая так и называлась – «Курбан байрам».

Или, например, мы делали программу, посвященную Дню Победы. К слову, в год 60-летия Победы, в 2005-м, я также делала посвященную войне постановку, уже республиканского масштаба – на главной площади Казани, площади Свободы. Там звучала проникновенная музыка: и татарских классиков, той же Сары Садыховой «Жду тебя», и русские песни...

– Не тяжело ставить спектакли под открытым небом?

– Под открытым небом приходится делать много постановок – посвященных и Сабантую, и Дню Победы, и открытиям памятников. Например, я была режиссером открытия памятников Федору Шаляпину и Салиху Сайдашеву. Это все делалось под открытым небом. Тут есть определенные формы, определенные возможности. Тут можно сделать то, что никак не получится на сцене. Прежде всего, массовость...

– Вашему Ансамблю песни и танца не раз довелось выступать на главных концертных площадках Москвы... Как Вас принимали москвичи?

– В Москве нас всегда встречали очень хорошо. Когда на второй Всероссийский конкурс ансамблей песни и танца я поехала со своей программой уже как худрук, там мы заняли первое место. И наша постановка, действительно, стала праздником для московских татар, которые пришли поболеть за нас в зал Чайковского. Таким же праздником стала программа «Мой Сайдаш», которую мы показывали в Центральном концертном зале «Россия». Меня тогда поразило, что после спектакля ко мне подходили не только татары, но и русские говорили: «Спасибо вам, мы увидели Салиху Сайдашеву, какой это был гениальный татарский композитор...»

– Ваш ансамбль объездил полмира. Какая поездка была особенно интересной?

– Все были яркими. И поездка на международный карфагенский фольклорный фестиваль в Тунисе, где ансамбль произвел большое впечатление. И поездки в Италию, на Мальту... Мы убедились: выступление, которые по-настоящему отражают народную культуру, везде, в любой стране воспринимаются на ура, горячо, с восхищением... Где бы мы ни были: в Финляндии, в Германии, в Англии, в Японии... главное – чтобы выступление было искренним, на высоком профессиональном уровне и отражало подлинную народную, национальную культуру. Она интересна любому зрителю.

После второго Всероссийского конкурса в 1986 году нас пригласили на гастроли в Японию. А в Японии был фурор! Туда даже прилетел целый самолет татар из Америки...

– Вот это да!...

– Для меня самым, наверное, главным всегда было то, что наш коллектив поддерживает, развивает, не дает забыть подлинную народную культуру, ее лучшие традиции. Мы были полпредами татарской культуры и у себя в стране, и за рубежом. Хотя, честно говоря, многие вещи давались с большим трудом, вопреки, а не благодаря. И с финансами было достаточно тяжело, и очень долгое время у ансамбля приличного помещения не имелось – у нас было совершенно разрушенное здание на улице Островского, много лет его ремонтировали, а мы при этом странствовали по разным дворцам и клубам... В итоге, когда мы преодолели эти трудности и уже завершался ремонт, мне пришлось в декабре 1998 года покинуть ансамбль.

– Это была громкая история...

– С судами в течение трех лет, с восстановлением на работе... В 2001 году Верховный суд Российской Федерации окончательно поставил точку, меня восстановили в должности. Но вскоре я написала заявление по собственному желанию – это уже был не тот ансамбль, не тот коллектив...

– Где Вы работаете сегодня? Какие у Вас творческие проекты?

– Я работаю заместителем директора по культуре и искусству в культурном центре «Сайдаш». За мной также режиссура Сабантуев, праздников Победы, юбилеев Сары Садыховой, Салиха Сайдашева, Рустема Яхина, Фасилия Ахметова... Большую театрализованную программу готовила для участников фестиваля исламского кино «Золотой минбар», она была показана в Булгарах – под ночным небом, на фоне руин соборной мечети. Очень интересная была работа, я сама получила море впечатлений!

В нашем культурном центре я создала театр танца «Сайдаш»...

– Вот теперь Вы правильно назвали – театр! Национальный театр танца или театр национального танца...

– Балетмейстером этого театра работает мой ученик по Ансамблю песни и танца заслуженный артист Тагир Латифуллин. Недавно театр танца «Сайдаш» вместе со своим руководителем и с художественным руководителем – это мой сын Тимур Юсупов – были в Японии. У этого театра вообще очень много гастролей – и во Франции, и в Турции, и в других странах мира... А в прошлом году театр танца «Сайдаш» очень успешно выступил в Москве, на конкурсе «Танцуй и пой, Россия молодая». Было очень приятно, что меня пригласили среди российских мэтров в жюри этого конкурса. Но еще приятнее было увидеть серьезное внимание к народному творчеству, то, как к нему тянутся молодые.

Беседу вела Елена ЧЕРНОВЕРКИНА

Память

Роберт НИГМАТУЛИН, академик РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова

В конце 2003 года ко мне обратилась Люция Камаева, жена внука классика татарско-башкирской литературы Мажита Гафури, с просьбой выступить на научной конференции, посвященной 125-летию со дня его рождения. Мажит Гафури (1880-1934) канонизирован в Башкортостане и Татарстане. Его именем назван Башкирский академический драматический театр в Уфе, один из районов Башкортостана, улицы в ряде городов в обоих республиках.

Хотя я тогда был председателем Уфимского научного центра Российской академии наук и президентом Академии наук Республики Башкортостан, просьба выступить на научной конференции, посвященной творчеству писателя, мне показалась странной. Ведь я специалист в области физико-математических наук, большую часть жизни прожил в Москве, и никак не мог себя отнести к знатокам татарско-башкирской литературы, чтобы выступать на научной конференции по литературе. Когда я заинтересовался - с чем связана такая необычная для меня просьба, Люция Камаева объяснила, что на рубеже XIX и XX веков русскому языку Мажита Гафури учил мой дед по матери Лутфулла Абдулгазизов. Этот факт вызвал у меня ряд воспоминаний и рассуждений, о чем я и хочу рассказать.

Лутфулла Абдулгазизов (1865 – 1913) - известный просветитель среди татар, башкир и казахов. Он был директором известной школы в башкирской деревне Серменево (Белорецкий район), а с 1902 года стал директором русско-татарской школы в г. Троицке (в те годы Оренбургская губерния, а ныне Челябинская область). Мне не довелось видеть своего деда Лутфулла, его не видела даже моя мама: она родилась через несколько месяцев после его смерти. А мамина мама, моя бабушка Бибикамал умерла, когда мне было 6 лет, а последний раз я ее видел, когда мне было 3 года. И только старшая сестра моей мамы, незабвенная Сара-апа, рассказала несколько отрывочных воспоминаний о своем отце, моем деде. Но она тоже помнила мало – ведь ей было всего 12 лет в момент его смерти. Больше я никого не видел, кто бы общался с дедом Лутфуллой. Поэтому в нашей семье остались очень скудные воспоминания о нем и всего три фотографии. Но тем не менее я время от времени «вспоминаю» своего деда Лутфулла.

Впервые я почувствовал неординарность своего деда, когда в начале 1970-х годов я со своими друзьями путешествовал на байдарках по реке Агидель, известной в русской среде как река Белая. На нашем пути как раз была деревня Серменево. Зная от своих родителей, что мой дед 70 лет тому назад был директором школы в этой большой башкирской деревне, я во время привала зашел в эту школу. Какого же

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАДЬЕ И ЗДЕ

было мое радостное удивление, когда на видном месте увидел портрет своего деда. Несмотря на семь десятилетий, как он со своей семьей уехал из деревни «на повышение» в город Троицк, память о нем хранилась как о значительной личности, давшей импульс развитию башкирской школы. А из этой школы вышли многие деятели, оказавшие большое влияние на развитие науки, культуры и общественной жизни Башкортостана. В частности, эту школу окончил композитор Загир Исмагилов, ректор Башкирского государственного университета физик М.Х. Харрасов, писатель Тайфур Сагитов и многие другие. Многие выпускники школы стали видными деятелями в 1920 – 1930-е годы, но, к великому сожалению, почти все они погибли в репрессиях 1930-х годов. После первого посещения я несколько раз приезжал в Серменево. Сейчас деревянное здание школы, которое было построено под руководством моего деда, уже снесено, и на его месте построено кирпичное здание.

Летом 2005 года, через тридцать с лишним лет после моей «первой встречи» с дедом Лутфуллой я со своей семьей поехал в г. Троицк, чтобы посмотреть на дом, в котором родилась моя мама, зайти в следующую после Серменевской, большую по размеру и, как сейчас бы сказали, более престижную школу, которой руководил мой дед. Хотели мы побывать и на его могиле в г. Троицке. С нами был сотрудник Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН Равиль Махмутович Булгаков. В Троицке я никогда не был, а мама моя уехала из него в Уфу для учебы в 20-е годы. В двухэтажном здании школы моего деда Лутфулла сейчас размещается городской отдел образования (гороно). Татарских школ в г. Троицке не осталось, и сотрудники гороно ничего об истории здания и о моем деде ничего не слышали. Они тепло меня приняли, с интересом выслушали мой рассказ об истории здания, в котором они работали, и посоветовали зайти в краеведческий музей города. И опять я был радостно удивлен, когда в центральном зале музея на видном месте мы увидели портрет деда и большого размера, превышающего по площади два стандартных машинописных листа свидетельство, о том, что Лутфулле Абдулгазизову в соответствии с высочайшим указом государя-императора присвоено звание «личного почетного гражданина» с соответствующими привилегиями. Опять приветствие от деда, теперь уже из Троицка, и это приветствие опять благодаря его добрым делам и заслугам перед Отечеством. Город Троицк произвел хорошее впечатление. Город чистый, спокойный. Видимо, сказало то, что в городе несколько учебных заведений, в частности, ветеринарная академия, филиал Челябинского университета, несколько техникумов и др.

Найти могилу моего деда помогли путешествовавший с нами Равиль Махмутович Бул-

*Лишь память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.*

*Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.*

Летит не умолкает память-дождь

И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов

Дед Лутфулла Абдулгазизов

гаков и живущий в Троицке журналист Искандар Валеевич Шамсутдинов, написавший книгу об истории татарского Троицка. Найти могилу было трудно по двум причинам. Во-первых, на татарском (мусульманском) кладбище г. Троицка, хотя и капитально огороженном еще в 19 веке, уже несколько десятилетий никого не хоронят из-за отсутствия мест. А если точнее, то лет двадцать пять тому назад кладбище планировали «снести» или «ликвидировать» (даже трудно подобрать соответствующий глагол для такого «деяния»), а на его месте что-то построить и проложить какие-то коммуникации.

Какая-то дьявольская манера была в нашей стране – планировать строительство на месте кладбищ, формально переноса их в другое место. Нужно с детства прививать табу: нельзя трогать никакие кладбища и культовые места (церкви, мечети, синагоги и т.д.).

Приведу слова А.Т. Твардовского: «Мы не просто не верим в Бога, но мы «продались сатане», - в угоду ему оскорбляем религиозные чувства людей, не довольствуемся всемирным процессом отхода от религии в связи с приобщением к культуре. ... Мы насильственно, как только делает вера завоевателей в отношении веры завоеванных, лишаем жизнь людей нашей страны благообразия и поэзии неизменных и вечных ее рубежей – рождение, венчание, похороны ...».

Кладбище, где человек ощущает таинство жизни и смерти, должно быть кладбищем вечно, и хоронить на нем тоже надо вечно, потому что подавляющее число могил через несколько десятилетий «умирает» естественной смертью, освобождая места для следующих поколений. Жизнь такова, что потомки через несколько десятилетий, как правило, не имеют

Отец Нигматулин Искандер Нигматулович (1908-1980) с мамой Газизовой Галией Лутфулловной (1914-2005)

возможности присматривать за могилами далеких предков (многие ли из нас знают могилы своих прадедов?), и не надо неизбежную «смерть могил» ускорять своей хозяйственной деятельностью.

В Троицке мусульманское кладбище не разрушили, хотя, повторяю, планы такие были. Но большая часть этого кладбища заросла деревьями и высокими кустарниками так, что ко многим могилам невозможно пробраться. Во-вторых, на могильных камнях того времени, в том числе и на могильном камне моего деда надписи делались арабской графикой, использовавшейся в тогдашней татарско-башкирской письменности. С тех пор реформаторы из татар, башкир, узбеков, казахов и других тюркских народов, следуя турецким реформам, инициированным Кемалем Ататюрком, в 1920-е годы отменили арабскую графику и перевели татарско-башкирскую письменность на латиницу. А в 1930-е годы коммунистическое руководство не без оснований заметило, зачем же в Советском Союзе латиница, тогда уж лучше давайте использовать объединяющую страну кириллицу. В результате отменили и латиницу, а тюркские языки перевели на кириллицу. В результате татары и башкиры (вместе со всеми тюркскими народами) не могут читать написанное их дедами. И я не умею читать надписи арабскими буквами и не смог бы найти могилу деда.

Поэтому сначала Искандар Шамсутдинов по памяти указал направление для поиска. Затем, работая топором, нужно было пробираться в глубь «джунглей». Поиск занял целый день. В итоге Равиль Булгаков, изучавший арабскую графику и арабский язык в Ленинградском университете, сумел найти

Посвящается памяти отца профессора Искандера Нигматуловича Нигматулина в год 100-летия со дня его рождения.

могильный камень деда Лутфуллы, и к могиле была прорублена тропа. Камень хорошо сохранился. Рядом с ним похоронен его сын, мой дядя, Зайнулла Лутфуллович Газизов, умерший в 1955 г. Он был учителем и стал директором той самой школы, которую создал его отец, мой дед. Интересно, что на могильном камне моего деда его имя написано арабскими буквами в виде: «Лутфулла-учитель», именно «учитель» русским словом. Это было его звание. Даже мою маму, росшую без отца в г. Троицке, взрослые всегда представляли как дочь Лутфуллы-учителя (по татарски это звучало: «Лутфулла-учитель кызы»).

Позднее смотрители кладбища помогли вырубить кустарник и деревья вокруг могилы и открыть к ней широкий проход.

Моя тетя Сара-апа перед смертью в 1986 г. передала мне некоторые бумаги, оставшиеся после деда, в том числе и некрологи, которые были опубликованы после его кончины. Но я не мог их прочитать, потому что они были написаны арабской графикой.

В связи с подготовкой биографии Лутфуллы Абдулгазизова для Башкирской энциклопедии один из некрологов, опубликованный в оренбургском журнале в 1913 г., и перешедший мне по наследству с бумагами моего деда, я дал упоминавшемуся выше Равилу Булгакову. Он перевел некролог на современную татарскую графику. Из этого графического «перевода» я узнал много неизвестного для меня. В частности, Лутфулла-учитель не только преподавал русский язык, но и старался учить детей практическим навыкам, в частности, необычному для тогдашних татар и башкир садоводству. Кроме того, в тогдашнем купеческом Троицке было острая потребность в приказчиках, владеющих финансовыми и предпринимательским ремеслом. Сейчас это называется бухгалтерия, менеджмент и маркетинг. Для того, чтобы учить этому детей, он ездил в Москву на несколько месяцев для освоения бухгалтерского дела.

Тетя Сара-апа рассказывала мне, что пригласили деда Лутфулла работать в Троицк группу купцов во главе с купцом 1-й гильдии Муллагали Яшевым. Они построили школу и жилой дом во дворе школы для его семьи. Тогдашняя общность города в 1907 г. торжественно отметили двадцатипятилетие педагогической деятельности Лутфуллы-учителя, а после его смерти купцы во главе с Муллагали Яшевым собрали деньги и положили их в банк на имя его вдовы (моей бабушки Бибикамал), оставшейся с шестью малолетними детьми. Вот их имена, некоторые из которых очень необычны для современных татар: Нигматулла, Сара (Бибисара), Зайнулла, Рабига, Рауза и Галия - моя мама.

К сожалению, многие тогдашние добрые и созидательные силы в России, в том числе и миллионы ее граждан после войны 1914 года и революции 1917 года были повержены, и семья пользовалась этим банковским вкладом, дававшим процентный доход (дивиденды), равный зарплате деда при его жизни, очень недолго – всего несколько месяцев. Через 7 месяцев началась 1-я мировая война, доходы со счета в несколько раз уменьшились, а еще через три года произошла революция, после которой банк исчез.

Времена, конечно были тяжелые, но все шестеро детей учителя Лутфуллы выжили, получили высшее образование.

Все это благодаря мудрости бабушки Бибикамал, помощи ее родственников, помощи добрых людей, взаимовыручки в семье и тогдашнему стремлению к светскому образованию, поддерживаемому советским государством. Когда через несколько лет после смерти своего отца старшие Нигматулла и Сара подросли и стали работать учителями, они помогали матери поднимать четырех младших детей.

Но в 1934 году пришла беда: арестовали по вздорному политическому обвинению младшего брата Лутфуллы Абдулгализова – Абдулла, тоже учителя в Троицке. Через несколько лет он погиб. В 1937 году арестовали его жену Гульсум, дочь купца Яушева и 16-летнего сына Шамиля. Родственников вызывали на допросы, которые все время жили в страхе. Гульсум сослали на каторжные работы, а Шамиля отпустили, и он чтобы не привлекать внимание и не быть никому обузой уехал во Владивосток, где его родители жили до этого несколько лет. Хотя его как члена семьи врагов народа не допустили к сдаче экзаменов в политехнический институт, он прожил там всю жизнь, здравствует и сейчас. Несмотря на возраст, он очень здоровый и благородный мужчина, и мы с ним переписываемся и переговариваем по телефону.

Дети Лутфуллы родили и воспитали 11 своих детей (среди них я со своими двумя братьями Булатом и Раисом) – внуков и внучек Лутфуллы учителя. У внуков 20 своих детей, у некоторых из которых есть свои дети – пра-правнуки и пра-правнучки Лутфуллы. Сегодня живут 50 потомков Лутфуллы и Бибикамал. Большая часть татары, есть казахи, есть русские, а девять – потомки одной из дочерей Лутфуллы – Рабиги – американцы в том числе и с американскими именами (Дональд, Андрия, Казл, Шейна). Вот вам пример этнического перемешивания, пространства и обезличивания татарских генов всего в течение нескольких десятилетий. Вспоминается в связи с этим русский гений А.С. Пушкин, прадед которого был эфопом, а его потомки разных национальностей и даже разных рас живут по всему миру.

В связи с этим приведу теорему этнологии: этнос не вечен, вечен этнический процесс. Эту не радостную теорему я узнал от выдающегося этнолога, члена-корреспондента РАН Раиля Гумеровича Кузеева.

Хотя некоторых своих родственников, потомков деда Лутфуллы я не видел, но я верю, что они несут частицы добра и созидательного таланта своих предков, моего деда Лутфуллы и моей бабушки Бибикамал.

Кстати, по рассказам моей мамы помогли выжить вдове с шестью детьми и жителями казахской деревни, примыкающей к Оренбургской губернии. Они помнили, что Лутфулла-учитель учил в своей школе и казахских детей. В благодарность в тяжелые 1920-е годы казахи приглашали вдову с шестью детьми в свою деревню на лето, давали на это время дом и корову. Это, конечно, сильно помогало поднимать детей.

Упомянутые выше купцы г. Троицка, вместе со всем купеческим сословием России исчезли как класс и не только как класс. Но связь с Яушевыми осталась, их добрая и творческая генетика жила. Сын одной из дочерей Муллагали Яушева Фарид Сейфуль-Мулюков стал известным журналистом. За освещение событий с горячих точек арабского Востока он был награжден боевым российским орденом. Несколько лет тому назад мы познакомились. У нас очень близкие взгляды на состояние России, несмотря на то, что мы большую часть жизни не общались.

Продолжение в следующем номере газеты.

Издавна одна из ярких особенностей жизни Казани и татарского края в целом – это его многонациональный уклад, разноцветье представителей народов России, чья судьба, мироощущение, взгляды сложились в татарской среде, в атмосфере национального климата. Подавляющее большинство из них чувствует себя как дома, не испытывают какой-либо душевный дискомфорт.

С одним из таких людей – Анатолием Ивановичем КОЗЛОВЫМ – мы встретились в Москве, на старинной Варварке. Здесь располагается крупная компания ОАО ТПК «Продмаркет», которую более 18 лет возглавляет А.И.Козлов. Сам он родился и вырос в Татарстане (г. Чистополь), там началась и его трудовая биография. В Казани закончил Технологический институт, затем Московский заочный институт советской торговли. Трудолюбие, пылкость ума и жажда знаний, творческое отношение к делу – эти ценные во все времена качества были природно присущи Анатолию Ивановичу и служат основой его организаторского таланта и профессионализма. Начав трудиться сборщиком на часовом заводе в Чистополе, А.И.Козлов в довольно молодые годы уже стал заместителем Председателя Совета Министров Правительства ТАССР. Возглавляемая им торговая отрасль стала одной из передовых в республике и его перевели на работу в Москву. Накануне перестройки он был назначен заместителем Министра торговли СССР. Новая эпоха, опрокинув прежние правила жизни всего общества, ломала вобщем-то слабых, по-настоящему сильные специалисты-руководители, обладая творчески-преобразующей энергией, изыскивали потенциально позитивное в сложившихся обстоятельствах и пытались на этой основе созидать новое, служащее на благо обществу. Мне кажется, именно этот слой людей и есть та сила, которая в настоящее время осуществляет движение страны вперед.

– Анатолий Иванович, значительная часть Вашей жизни прошла в Татарстане. Спустя годы, как Вы оцениваете тот период, как он повлиял на Вашу судьбу, Ваше мироощущение?

– Главное в жизни – это те люди, которые сопровождают твою жизнь. Мое детство и юность прошли в 50-60-годы, это были относительно раскованные годы. По широте души и доброжелательности татары сродни русским. Это я ощущал всегда, и в школьные годы, и в начале трудового пути, и в студенческую пору. В институте у меня сложились хорошие отношения с деканом факультета Мифтахом Альбертом Абдрахмановичем. Он был для меня старшим товарищем, наставником, старался расширить мой кругозор, он понимал, что грамотный технар – профессия скучная. Кстати, именно после окончания института он меня порекомендовал в Татпотребсоюз, это была возможность остаться работать в Казани. Я поступил на работу в Татпотребсоюз, его руководителем был Рафат Файзуллович Сафиуллин, очень известный человек среди председателей потребительского союза бывшего СССР. Мне повезло, что я с институтской скамьи попал к такому сильному руководителю. Другим человеком, с которым мне повезло работать, а в дальнейшем и дружить, был и остается Табеев Фикрят Ахмеджанович, в пору нашего знакомства Первый заместитель Председателя Совмина РСФСР. Деловой стиль, умение видеть перспективу, искусство работать с разными людьми – вот качества, которые привили мне Р.Ф. Сафиуллин и Ф. А. Табеев. Так что многие руководители у меня были татары, я прошел хорошую школу. Но, конечно, все отношения и тогда, и сейчас у нас складываются независимо от национальности, отношения очень хорошие.

– Вы жили в Казани, как Вы воспринимали татарский быт с точки зрения русского человека, как входили в татарскую культуру?

– По роду своей деятельности я побывал во всех регионах Татарстана, а их было 39 районов в свое время. Был татар хорошо мне знаком и даже более привлекателен, побольше чистоты, побольше порядка за забором. Русские деревни подчас страдают тем, что не всегда следят за внешним видом своего двора или дома. Я никогда не ощущал дискомфорта, находился ли я в русском селении или в татарском. Везде было хорошее отношение друг к другу и никаких противоречий не было. Что касается культуры, то я с удовольствием ходил

В сердце моем – КАЗАНЬ!

В одном из залов «Продмаркета» (слева направо): Ф.Мухаметшин, М.Шаймиев, Ф.Табеев, А.Козлов, Р.Акчурин, З.Гаязов

в татарский театр. Хотя я татарский и не понимаю, но актеры так хорошо и эмоционально играют, что все и так понятно. Судовольствием бываю на концертах татарской и русской песни, люблю прекрасные голоса А. Асадуллина, А. Авзаловой.

– Скажите, в Вашей сегодняшней работе как-то сказывается Ваше «татарское» происхождение? Кстати, несколько слов о «Продмаркете»?

– Наша компания была создана в 1991 году на базе структур бывшего Министерства торговли СССР. ТПК «Продмаркет» работает в тесном контакте с правительством Москвы. В арендуемом компанией здании (Варварка, 14) после проведения реконструкции создана сеть магазинов: «Российские деликатесы», «Московские деликатесы» и ресторанов, среди которых большой популярностью пользуется «Китайгородская стена». Это первый в Москве ресторан татарской кухни. Здесь предлагается хорошая татарская выпечка, национальные блюда. В интерьере ресторана наш художник использовал исторические находки из Булгарского поселения. Отделения «Продмаркета» открыты в Уфе, Казани, Калининграде. ТПК «Продмаркет» позиционируется учредителями не только как торговая площадка. Значительное место в ее деятельности занимает работа по возрождению традиций народного творчества, сохранению культурного наследия. В этих целях мы при участии известных мастеров искусства учредили «Китайгородскую ассамблею». Вот в рамках мероприятий ассамблеи ярко звучит татарский мотив. В «Галерее-салоне на Варварке» проводятся, наряду с другими, выставки татарских художников. Именно здесь состоялась первая выставка татарско-башкирских художников «Рассам», дни татарской культуры в Москве, посвященные 1000-летию Казани.

– В Москве известностью пользуется открытая у Вас школа бальных танцев. По-моему, ее появление связано также с Татарстаном?

– Более десяти лет тому назад к нам приехали парень и девушка из Казани. Они были чемпионами Поволжья по танцам. Приехали и обратились ко мне за помощью. Я им предложил организовать школу бальных танцев, предоставил помещение. Молодые люди горячо взялись за дело, и сейчас эта школа – одна из крупнейших в Москве, в ней занимается более 800 че-

ловек. Мы стали регулярно выезжать в Татарстан, в Чистополь, где у нас спортивно-оздоровительный лагерь «Раздолье», и там проводим турниры бальных танцев «Камские зори», первый был посвящен 1000-летию Казани. Для чистопольцев это было открытием, они загорелись и предложили организовать такую же школу у них. В год открытия школы в ней занимались 120 детей, а сегодня – около трехсот учеников. Руководство республики очень нас поддерживает в этой культурной акции.

– Казань для Вас это память или продолжающаяся жизнь? Вы часто посещаете Казань?

– Переехав в Москву, я очень скучал по Казани, но сейчас, конечно, привык. Но я

постоянно, раз в месяц, бываю в Казани. В связи с юбилеем в городе произошли заметные изменения. Реставрированы уникальные памятники архитектуры, воздвигнуты новые прекрасные здания, открыто метро... Душа радуется за обновленную Казань. Раньше было немного обидно – город интересный, исторический, тысячелетний, а много домов старых, аварийных. А сейчас я рад за город. Приятно слышать и узнавать о каких-либо успехах в Казани или в Татарстане по телевидению, по радио, в газетах. Всегда

это воспринимаешь с приятным ощущением, что это родина. Татарстан, Чистополь, Казань – это все уже одно единое, целое. Самое главное, что нет межнациональных противоречий. И то, что было в 1991-1992 годах, это все улеглось и сгладилось, благодаря мудрой и терпеливой политике руководителей Республики, не допустили никаких междоусобиц и мягко все острые конфликты сняли.

– Есть города, которые относятся к вечным городам мира – Рим, Париж, Казань. А есть города, которые умирают. Чем объяснить такое долголетие Казани?

– Я думаю, что все торговые пути на Урал и в Сибирь проходили через Казань. Две огромные реки Волга и Кама сливаются в одну и текут дальше. Это как раз именно те пути, которые позволяли городу развиваться, когда не было железных дорог, все доставлялось водным путем. Это одно. Второе, испокон веков так сложилось, что татары были народ торговый, это заложено в крови, и торговля – это одно из жизненных кредо татар. И третье, это историческое место, где издавна жили татары, и те кто живет в Казани, они с такой гордостью говорят, что здесь уже несколько веков существует поселение Волжских Булгар, здесь жили наши предки, прадеды и прапрадеды. Это историческое место, с которого уходить нельзя, а нужно развивать. А что касается науки, искусства, то это уходит вглубь времен, очень ценится среди интеллигенции не только история Казани, но история науки, культуры. Казанский университет уже существует 250 лет. Тоже цифра знаковая. И, конечно, закаленный историей сам дух татарского народа. Все вместе взятое и дают основания, что Казани быть, быть и быть многие века.

Беседовал
Ромен ГУЗАИРОВ

В феврале этого года Анатолию Ивановичу Козлову исполнилось 60 лет. Редакция газеты «Татарский мир» и ее читатели, многие из которых живут и работают в Казани, горячо поздравляют коренного татарстанца с замечательным юбилеем и желают Анатолию Ивановичу долгих лет жизни, плодотворного труда, здоровья и благополучия.

Гумилевские чтения

ра европейская и азиатская. Русские должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими.

Евразийство не замыкалось Россией, оно считало себя целым континентом, и его границы проходили через сердца и души людей.

Евразийская цивилизация определялась не только экономикой, но и той культурой, которая находится в неразрывном единении с ландшафтом. Ландшафт – природный базис и диктует, быть или не

быть цивилизации. Ландшафт среды обитания оказывал существенное воздействие на сам склад жизни людей.

В. Демин, как видим, убедительно раскрывает концепцию евразийства, но и в нашем сжатом пересказе ясно, насколько оно было неприемлемо для строящегося социализма, воодушевленного лишь идеей, а не извечными ценностями человека и природы.

Л. Н. Гумилев вводит в науку новое понятие – пассионарность. Оно пришло к нему, как озарение, внезапно, в тюрьме, и В. Демин захватывая описывает эти мгновения постижения тайны. Пассионарность – это наука о том, как возникают и исчезают народы (этноты). Свое учение позже он изложил в знаменитой книге «Этнос и биосфера Земли». Это учение и о пассионарных толчках и процессах энтогенеза, вызываемых этими толчками и протекающих в биосфере Земли. В. Демин отмечает: «Пассионарность – внутреннее стремление к действию, которое сильнее самого человека... Уровень пассионарности в этносе не остается неизменным... Различны стадии пассионарности...»

Олег ШЕСТИНСКИЙ, поэт

СЫН ОТЕЧЕСТВА

Лев Николаевич Гумилев – великий ученый XX столетия и страстотерпец за науку.

Писатель Валерий Демин в своей книге «Лев Гумилев» (Демин В. Лев Гумилев. – М.: Молодая гвардия, 2008. – (ЖЗЛ) разносторонне живописует его личность. Книга, вышедшая в наши дни, не просто современна, но и крайне своевременна.

Л. Н. Гумилев – ученый необыкновенной человеческой и творческой воли. Несгибаемость в отстаивании истины перешла по наследству от отца и матери, выдающихся поэтов, Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Но и их драматическую судьбу повторил сын.

Четырнадцать лет тюрьмы, ссылки, лагерей не смирили его ум, не иссушили его. Куда бы его ни загоняли – и на лесоповале, и в душных, переполненных камерах он ни на минуту не прерывал процесс мышления, приходя к научным выводам, ставшим позднее классическими.

В. Демин разносторонне вникает в его личную жизнь и в суть его научных открытий. Поэтому я лишь обозначу некоторые научные идеи Л.Н. Гумилева, чтобы проникся читатель дерзостью его мыслей, за которые он и расстраивался в чуждой ему идеологически, но и любимой навсегда России.

В 20–30-х годах минувшего столетия в научной эмигрантской среде сложилось философское течение – евразийство. Вольномыслящий уклад старой России был уничтожен революцией, и советская власть, чураясь самого понятия «Россия», как нечто отжившего, провозгласила интернационализм спасением для трудящихся. На чем должен был держаться интернационализм? На ненависти к богатству, на вызволении из нищеты бедных, на коллективизме в труде и воззрениях.

В советской стране единственным крупным приверженцем евразийства стал Л. Н. Гумилев. Он развивал это учение, подвергаясь нападкам со всех сторон. Но евразийство по своему нравственному наполнению было безупречно. Оно выражало разумные патристические требования, вкратце сводимые к следующему: Россия – самобытная страна, вбирающая в себя достоинства Востока и Запада. Каждый народ определяет свою судьбу на постулатах мира и согласия. Культура России не менее самоценна, чем культу-

ра европейская и азиатская. Русские должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими.

Евразийство не замыкалось Россией, оно считало себя целым континентом, и его границы проходили через сердца и души людей.

Евразийская цивилизация определялась не только экономикой, но и той культурой, которая находится в неразрывном единении с ландшафтом. Ландшафт – природный базис и диктует, быть или не быть цивилизации. Ландшафт среды обитания оказывал существенное воздействие на сам склад жизни людей.

В. Демин, как видим, убедительно раскрывает концепцию евразийства, но и в нашем сжатом пересказе ясно, насколько оно было неприемлемо для строящегося социализма, воодушевленного лишь идеей, а не извечными ценностями человека и природы.

Л. Н. Гумилев вводит в науку новое понятие – пассионарность. Оно пришло к нему, как озарение, внезапно, в тюрьме, и В. Демин захватывая описывает эти мгновения постижения тайны. Пассионарность – это наука о том, как возникают и исчезают народы (этноты). Свое учение позже он изложил в знаменитой книге «Этнос и биосфера Земли». Это учение и о пассионарных толчках и процессах энтогенеза, вызываемых этими толчками и протекающих в биосфере Земли. В. Демин отмечает: «Пассионарность – внутреннее стремление к действию, которое сильнее самого человека... Уровень пассионарности в этносе не остается неизменным... Различны стадии пассионарности...»

Что же является первопричиной пассионарных толчков? Энергия космоса.

Но откуда эта энергия космоса, главная обуславливающая пассионарного процесса? Автор пишет: «...Современная наука вообще не способна пока что однозначно указать на действительные причины энергетических всплесков, приводящих к эффектам пассионарного напряжения или разрядки».

Здесь уместны любые предположения, возможно, приближающие к истине. Божественная сила и пассионарность. Вопрос не праздный. Вопрос, не исключаю, наших будущих попыток познания непознанного.

Религиозная догма неко-

лебима: Бог – «Всеми Видимый и Невидимый». Не здесь ли подступы к разгадке пассионарности? Бог создал Вселенную. Нашу Землю. И населил ее существами (людьми), разошедшимися по Земле. И люди, совершив поначалу некое благое перемещение по Земле, возгордясь или утрачивая память о благе Бога, стали проваливаться (большинство) в трясину зла. Одни смирились со своей участью, приспособившись к ней низмен-

ными желаниями, другие, опомнившись, карабкаясь из трясины зла, обозревали перед собой за пределом трясины цветущие поля, плодоносящие леса, звенящие реки... Это и был Образ Видимого Бога, и они рвались к нему.

Бог, представляя собой вселенскую энергетическую мощь, сосредоточенную только в Нем, наделял энергией и среду обитания всех людей. Иначе не было бы жизни. Эта Божественная энергия пронзала беспредель пространс-

тва, и космос для нее был не более как основание первой ступени к Высшим познаниям. Божественная энергия заключала космическую силу доброго, разумного воздействия на земные процессы, и в этой целенаправленной энергии и заключался Образ Бога Невидимого.

Таково, на мой взгляд, отношение не мистическое предположение о пассионарном движении жизни и о толчках, стимулирующих его, в котором нами не все еще понято да, возможно, и не будет понято до конца.

Поэтому сопровождающие нас по жизни постулаты Веры и Надежды суть дарованные нам символические знаки Бога Видимого и Невидимого.

Не оттого ли большинство гениальных русских мыслителей и ученых, занимающихся этими сферами науки, были людьми верующими, – помянем и Ломоносова, и Павлова, и Вернадского, и Бехтерева, и Гумилева...

Мы без сомнения переживаем сейчас ту стадию пассионарности, которая называется «надлом». Главное для страны – выйти из подобного состояния. Необходимы пассионарные личности общероссийского масштаба для этой цели, которые смогли бы сгруппиро-

вать близких им по духовности людей, готовых на самые решительные исторические действия. Таких пассионарных личностей история пока не выделяет нам. Наше общество по преимуществу субпассионарное, возникающее тогда, когда пассионарность истекает. Эти люди с пониженной пассионарностью – эгоистичны, у них психология потребителей. Л. Н. Гумилев отмечал: «...а после того, как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от

сорвать агрессию Запада, сплоченно тщащегося захватить богатые русские земли.

По-новому вглядываясь Л. Н. Гумилев в русско-татарские отношения, выявляя скрытую пользу одних от других, а не сводя все только к крупным сражениям и мелким стычкам. Его вывод гласил: мы сумели преодолеть натиск Запада во многом из-за своей политики со степняками, татарами, калмыками...

Л. Н. Гумилев исследовал связь Петра I с допетровской Россией, опровергая досужее суждение, что она была отсталой, не учитывающей западные военные и экономические достижения. Но нужные западные заимствования всецело трансформировались на русский лад. Он делал обобщающий вывод, который раздражал наши близорукые прозападные круги, мечтающие не без корыстных намерений любой ценой втиснуться под крышу западного мира, готовые там к любой роли.

Л. Н. Гумилев твердо стоял на своем: «Надо осознать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций с последующей ассимиляцией».

Мы до сих пор не можем понять, что только широко-масштабное внедрение идеалов Л. Н. Гумилева в нашу государственную и культурную жизнь может гарантировать нам не только самостоятельность, но и тот пассионарный толчок, которого сознательно или подосознательно ждет вся Россия.

Последние годы своей жизни Л. Н. Гумилев жил и творил в Питере в коммунальной тесной комнатке. Лишь незадолго до смерти чиновники «облагодетельствовали» его «двушкой», где он и умер, исповедовавшись и причастившись.

К сожалению, евразийство и ныне рассматривается как бы боковым зрением, не входя в систему государственных интересов, но не меркнет призыв Л. Н. Гумилева: «Если Россия будет спасена, то только через евразийство...»

Когда я приезжаю в Питер, я непременно отправляюсь в Александро-Невскую лавру, где покоятся замечательные россияне.

Невдалеке от упокоения подвижника-патриота России, книжника и мудреца митрополита Иоанна одинокое надгробие. Здесь лежит Л. Н. Гумилев. Раньше над его могилой стоял крепкого дерева крест, и я уходил в думы о Льве Николаевиче и России, которой он отдал жизнь. Клубились густые ветвистые кустарники, тихо шелестели окрестные деревья, поодаль плескалась Нева. Это был тот ландшафт, в котором он разглядел глубокую его сопричастность с великими деяниями Отечества.

Нынче поставили каменный крест, видимо, решив, что он прочнее, но и в чем-то нарушили гармонию его уединения. Да, впрочем, в этом ли дело? Ведь рядом с ним во храме почивают в раке мощи благоверного святого князя Александра Невского, его Божественного покровителя.

Во мне живут два славных

*Слова,
Как сердце бьется неустанно –
От евразийца Гумилева,
От праведника Иоанна.*

Они провозглашали слитно

*В своих статьях и книгах
строгих
Мысль, что Россия
самобытна, –
И этим раздражали многих...*

г. Москва

Нанизаны на единую нить

Татарская культура в XIX в. продолжала играть существенную роль в духовном развитии и образе жизни всех нерусских народов Поволжья и Приуралья. Более того, традиционные элементы религиозной, этно-лингвистической, семейно-бытовой культуры, перенятые чувашами, марийцами, удмуртами и определенной частью мордвы у булгар и казанских татар, еще долго составляли серьезное препятствие на пути проливания русско-православной культуры в среду этих народов, особенно в сельских местностях. Достоверные сведения об этом оставили известный этнограф нашего края К.Ф.Фукс и его жена А.А.Фукс.

В начале XX в. местный краевед Н.А.Спаский также отмечал, что и после завоевания Казани русскими «... влияние татар было очень сильно, и масса ватского населения перешла в магометанство и отатарилась». «В удмуртском языке, — писал он, — более 600 слов тюркского корня, преимущественно обозначающих господство и подчинение, относящихся к торговле, родству, браку, религиозным воззрениям магометанства, домашней обстановке, костюму, занятиям, имуществу». Если черемисы Козьмодемьянского, Чебоксарского уездов все говорят по-русски, писал тот же автор, «... то казанские черемисы знают и русский, и татарский языки, но мамадышские только татарский».

Н.А.Спаский дает достоверную оценку состояния грамотности татарского населения. «Каждый, кому приходилось бывать в местности, населенной татарами, невольно обращает внимание на большое количество мечетей. В каждой деревне есть мечеть, а если в деревне более двухсот домов, то и две мечети. Эта заботливость татар магометан о своих молитвенных зданиях указывает на высокую степень религиозности. Но этим не ограничивается их забота о религиозном развитии. При каждой мечети имеется непременно школа. Школьное дело у татар очень развито и неграмотных среди них почти нет. Школы строятся на общественные средства и пожертвования», — пишет он.

«Как бы не было односторонне это образование татар-магометан, но именно оно дает им ту устойчивость, которой они привлекают инородцев на свою сторону, — подчеркивает Спаский в своем труде. — В силу вышеуказанных свойств магометанской общины, даже при отсутствии активных действий со стороны татар, инородцы неужемимо влекутся к ним, как к национальности более сильной, энергичной, имеющей определенную религию и культ. Но о татарах нужно сказать, что они, как миссионеры по убеждению, до фанатизма проникнутые идеями ислама, никогда не упускают случая побеседовать о своей вере и расположить к ней своего собеседника, что по большей части и удается им при указанной выше устойчивости их верований и сравнительном умственном превосходстве их пред другими инородцами».

Просвещением чуваш и мордвы в XIX веке, в основном, занимались татарские учителя. По приглашению самих же мордвы и чуваш они посещали их селения и проводили обучение их грамоте. Об этом сообщается так: «Делом учителя занимаются все татары, не отказываются от него и женщины. Они приходят в дом инородца, обучают его самого и семью магометанским молитвам и обрядам, а детей, кроме того, обучают и татарской грамоте. Если вблизи есть татарская школа, то, по совету татар, инородец посылает в нее своих детей для обучения грамоте, там дети изучают Коран, молитвы и с течением времени настолько проникаются магометанским настроением, что их

Габдрахман ХАФИЗОВ, доктор исторических наук

Братские узлы народов Поволжья

трудно или даже невозможно бывает отличить от настоящих татар», — пишет автор другого труда. (Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910). К тому же эти народы прекрасно владели татарским языком, что облегчало обучение грамоте.

О влиянии традиции мусульманской культуры на мордву, особенно на их женщин автор указанного труда пишет: «Они не ходят никогда на публичные собрания, и в домах не едят жертвенные есты, но должно то делать только мужчинам, которые и за женские грехи жертву приносят; и можно сказать, что сие обыкновение принято у них также от татар, у которых по силе Магометанского закона женский пол также от всех духовных церемоний и всенародных служб свободу имеет». Также сообщается, что «по примеру татар не имеют они у себя ни писанных красками, ни разных идолов, и тем разнятся от прочих языческих и идолопоклоннических народов, которые литым и деревянным, или красками писанным молятся и поклоняются».

Далее о культурном влиянии татар сообщается следующее: «Окончательно отатарившихся можно отнести чуваш Тетюшского уезда, деревень: Кукшим, Белая Волошка, Утево-Биково, Сунуты». С большим доброжелательством относятся к татарам и усваивают их обычаи чуваш Чистопольского, например, деревни Татарской Сунчелеевой, живущие совместно с татарами, и деревни Садаваевой, Тюрнянского прихода, где были уже примеры отпадения в магометанство. В положении окончательно отатарившихся, хотя и сохранивших некоторые признаки национальных черт, оказываются чуваш многих сел и деревень Цивильского уезда, например, деревни Таневской Гишинского прихода, где уже построена мечеть, деревни Полевое Байбахино Кошелевского прихода, жители которой в 1905 году подавали прошение об отчислении их в ислам, и деревни Водояль (Уты) Ново-Чуршского прихода, где можно наблюдать среди чуваш примеры двоеженства по обычаю татар. Об этом можно заключить из того, что чуваш, склонные к татаризму начинают уже жить по татарским обычаям. Они говорят по-татарски, поют татарские песни, строят на татарский образец дома. На вопрос, почему им нравится все татарское, они обыкновенно отвечают, что у татар все делается по шариату (по закону), а у них нет ничего хорошего. Если предложить чувашу

язычнику этих местностей перейти на православие, — он с испугом ответит: «Нет, нет, у нас здесь много татар, они взбунтуются, а то и убьют; да кроме того мы не желаем изменять вере отцов и дедов и отдавать себя на посмеяние». «Мы привыкли к татарам и разница у нас от татар небольшая, как по жизни, так и в языке» (с.23). Одним из примеров влияния татарской культуры на чуваш-язычников посредством ислама является название у них глав религиозных служителей — муллой, как и у татар-мусульман. Об этом приводится такое сообщение: «... У некрещеных чуваш жрец

Черлак, Сахазь, Торгем-дурь все мужчины поголовно носят тюбетейки. У них установился даже обычай, в силу которого во время свадьбы тестя в знак уважения дарят своему зятю парчевую тюбетейку. В таком же положении находится деревня Шурбаш Казанского уезда, где черемисы совершенно отатарились и в значительной части исповедуют магометанскую религию». В других местах Казанской губернии, хотя дело отатаривания черемис так далеко не зашло, но все же нужно сказать, что черемисы вышеупомянутых уездов значительно утратили свои национальные черты, и настолько освоились с татарскими обычаями, нравами и языком, что иногда совершенно невозможно бывает отличить их от татар.

Описывая культуру и быт черемис, Миллер оставил впечатление на их понятиях о месяцах и неделях. Как сообщает он: «Равным образом они не имеют никакого понятия о месяцах, однако недели они знают, считая каждый по семи дней, и каждый день называют собственным именем, что они по большей части от татар приняли». (Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов — то: черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С.61).

Действительно, относительно бытования у татар своего народного календаря XVIII–XIX вв. не может быть сомнения. Булгаро-татарский календарь имеет многовековую историю и он передавался из поколения в поколение, оказывая влияние на окружающие народы.

Некоторые представители черемис (марийцев) соблюдали даже такие обряды ислама, как «обрезание» и празднования дня пятницы как все мусульмане-татары.

Как пишет автор указанного труда: «...некоторые из черемис держат магометанский закон и по рождении вскоре обрезаются; и сие может быть от того произошло, что как черемисы, так и прочие языческие народы, равно с магометанами празднуют пятницу, яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют. В сей день не служат у них никакой службы, и не знают причины, для чего они в пятницу паче прочих дней в неделе празднуют; и сие кажется мне таим мирским обыкновением, которое вошло к ним от их соседних татар».

«Религиозное состояние вотяков Мамадышского уезда в виду того, что они со всех сторон окружены татарами, крайне печально. Многие из них склонны к исламу, почти все они говорят по-татарски. Вотяки же некоторых приходов окончательно и бесспорно отатарились. Таковы, например, жители деревень Старая Русь, Важешур Урясь Учинского прихода, некоторые из деревень Нырьянского прихода. Они все более и более утрачивают свои национальные черты — язык, костюмы и все обычаи, и даже стыдятся и сближаются, когда их называют вотяками. Во всех отношениях они желают уподобиться татарам, включительно до усвоения магометанской религии.

Вотяки Вяткинской губернии, хотя и не подпадали под столь сильное влияние татар магометан, как вотяки Мамадышского уезда Казанской губернии, но и их религиозное состояние оставляет желать много лучшего. В сущности, они совершенно не просвещены христианской верой, хотя и счи-

таются православными христианами. Причина этого — обширность приходов Вятской губернии, которые славятся своею доходностью, но не высокою религиозного просвещения, малочисленностью храмов и рационально поставленных благоустроенных инородческих школ». (Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С.25).

Надо отметить, что одной из главных причин стремления удмуртов к культурному сближению с татарами являются их добрососедские отношения и восприимчивость культур. Не малое влияние в деле просвещения удмуртов и марийцев оказали крещеные татары, которые назначались в качестве священнослужителей в их селения.

Влияние культуры поволжско-приуральских татар усилилось с появлением периодической печати, относительно которой говорится: «Между тем нужно сказать, что пропагандистская деятельность татар гораздо шире, в особенности в последние годы. Кроме вышеупомянутой деятельности татар, за последнее время широко развилась деятельность со стороны магометанской интеллигенции. Деятельность эта, вызываемая теми же причинами, что и народная миссия, со стороны интеллигенции ведется литературным путем, путем издания газет, журналов, путем устройства съездов магометанских и путем устройства общеобразовательных школ».

Взаимовлияние и взаимодействие культур у этих народов начинается с конца XIX в. и продолжается по сей день. Связи татарской культуры с культурой чувашского народа имели несколько иной характер, чем русской с татарской. Здесь влияние татарской культуры, стоявшей на более высокой ступени развития, происходило прямую. Примером тому являются татарский театр и литературные произведения.

В Казани чувашские режиссеры и артисты поддерживали контакт с татарским театром, имевшим к тому времени свои традиции. Знакомясь с его работой, они изучали опыт сценического воплощения оригинальных и переводных пьес. Некоторые деятели чувашского театра (Г.Зайцев, П.Федоров, И.Максимов-Кошкинский и другие), владея татарским языком, имели возможность знакомиться с произведениями татарских писателей в оригинале. Еще в 1919–1920 годах отдельные пьесы татарских авторов были переведены на чувашский язык и поставлены на сцене национального театра.

Одной из таких пьес являлась «Находка» («Табылдык») Я.Карима.

В свою очередь, произведения чувашских писателей переводились на татарский язык. Произведения классика чувашской литературы К.В.Иванова были известны татарскому читателю еще в 20–х годах. Поэма «Нарспи» стала, по признанию известного татарского писателя А.Шамова, его «любимой книгой».

В Казани издавались марийские газеты «Ужара» («Заря»), «Йошкаркече» («Красный день»), «Назерын шамакшы» («Слово бедняка»), журналы «Куралше» («Пахарь»), «У илыш» («Новая жизнь»). В Казанском Восточно-педагогическом институте обучались будущие марийские писатели О.Шабдар, О.Тыныш, фольклорист К.Четкарев, переводчица детских книг О.Сурикова и другие.

Словом, образ жизни и духовная культура братских народов Поволжья неразрывными нитями взаимосвязаны, и этот исторический процесс взаимодействия и взаимообогащения, опираясь на вековые традиции, и по ныне способствует укреплению единства российских народов.

Сыны Отечества

Шамиль АХМЕТШИН, кандидат военных наук

Шамиль НАСЕРОВ

Впервые в своей истории татары стали осваивать военную службу на флоте, переходя с традиционного коня на палубу, во времена Петра I. Призывались они не только в рамках существовавшей системы рекрутчины, но и в рамках государственной подготовки профессиональных кадров российской морской службы. 19 января 1722 года увидел свет царский указ «О сборе рекрут с мордвы, черемис и татар». Отныне на военную службу привлекались и мальчишки-татары 10-12 лет в качестве денщиков в армию и юнгами на флот. А в конце того же года вышло распоряжение Адмиралтейств-коллегии: «Присланных из Казанской губернии малолетних татар 127 человек по состоявшемуся Его Императорского Величества именному указу написать в матросы во 2-ю статью...»

Переход на морскую службу татарам давался очень трудно. Необходимо представить себе ее в те времена. Ограниченное пространство парусников и галер, сырые полутемные помещения, пища обильная, но не всегда свежая (солонина и сухари) и не всегда горячая, тяжелая физическая нагрузка. Добавлялись и моральные страдания. В корабельной тесноте нелегко было уединиться для совершения намаза, в российской армии царил культ православия, поэтому о свободе вероисповедания не могло быть и речи. Во все времена тяжелая морская служба скрашивалась доброй чаркой спиртного, что опять же запрещалось по канонам ислама.

Особенно активное участие приняли татары в Персидском походе (1722–1723). В мае 1722 года во главе флотилии, состоящей из почти 200 кораблей, Петр I из Казани отправился в поход против персидского шаха Гусейна. Из Астрахани в Каспийское море вышла Каспийская флотилия и военные действия начались 29 июля 1722 года. Судьба 106-тысячного русского войска, в составе которого числилось свыше 30 тысяч татар, сложилась трагически. Флотилия попала в жестокий шторм, разметавший и потопивший небольшие, плохо приспособленные к плаванию в открытом море суда. Подавляющее большинство солдат и матросов утонули. На берегу люди гибли от цинги, голода, недостатка питьевой воды. Несмотря на это, войско Петра I сумело захватить Дербентскую крепость и побережье Терека.

Сохранившиеся документы донесли до нас имя одного из участников Персидского похода татарина – Юсуфа Ижбулатова. Он был известен тем, что в 1682 году добился перевода жителей Татарской слободы Казани в служилое сословие. Как переводчик он участвовал в Персидском походе, перевел с персидского языка на татарский «Дербенд-наме» и подарил эту поэму Петру I (1722). По поручению царя в 1722 году совместно с К. Сунчалевым он скопировал и перевел около пятидесяти образцов булгарских надгробных надписей для Петербургской Академии наук.

До указа императрицы Екатерины II «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» (1784) татары не могли занимать офицерские должности и не производились в офицеры. Указ уравнивал в правах с российским дворянством татарских князей и мурз.

Судьбы татар, служивших во флоте, удивляли современников и в XIX веке. В журнале «Морской сборник» за 1848 год напечатана статья, называющаяся «Неожиданная встреча».

«Записать в матросы...»

Строительство кораблей

Она достойна того, чтобы привести ее здесь почти полностью.

«В прошлом году несколько русских морских офицеров осматривали Софийскую мечеть в Константинополе. Один из них, чтобы удобнее рассматривать изящные своды этого великолепного здания, снял фуражку. Возле офицера молился, стоя на коленях, старик мусульманин. Белая чалма и зеленый плащ обличали в нем особу духовного звания. Офицер обратил внимание на умное выражение лица у старика, подумав про себя, что это какой-нибудь восточный мудрец или толкователь Корана, а, может быть, и астроном. Глаза их встретились; старик подошел к нашему офицеру и сказал ему чистым русским языком: «Наденьте свою фуражку, правые верные не любят, чтобы в храме стояли с открытой головой».

Офицер поспешил надеть фуражку, поблагодарил старика за совет и почтительно спросил того, где он так основательно изучил русский язык? На лице мусульманина явилась улыбка.

– Эх, ваше благородие, – сказал он, – да как мне порусски не говорить, коли я в вашем флоте служил. Плавал я и на «Брыке», и на «Кендире», и на «Конверте», да лет восемь штык-болтовым на фрегате был...

Восточный мудрец оказался отставным матросом из казанских татар.

Принятие присяги мусульманами в российском флоте в дореволюционной России являлось религиозным обрядом – обещанием перед Аллахом. Матрос давал присягу не только государству и народу, но и самому Аллаху, в Кого он верил, на Кого надеялся и от Кого ждал помощи. Нарушение присяги считалось большим грехом перед Аллахом и людьми.

До 1885 года документально не установлен ни один морской офицер, даже младшего ранга, магометанского исповедания. В основном на флоте в этот период татары служили низшими чинами: то есть были матросами, унтер-офицерами и фельдфебелями. Одним из первых офицеров российского Военно-морского флота из татар и, как записано в послужном формуляре, «магометанской веры», был Исхак Ибрагимович Ислямов (1865–1923) – генерал-майор флота (1917), полярник, географ-гидрограф и ученый.

Родился будущий морской офицер 27 июня 1865 года в Кронштадте, в семье времен-

но-отпущенного унтер-офицера Первого флотского экипажа Ибрагима Ислямова (предположительно, выходца из села Айбаш, ныне Высокогорского района Республики Татарстан). Мать – Гильмизямал Измайлова. После Кронштадтского реального он окончил Морское инженерное училище Императора Николая I по классу штурманов.

1 апреля 1887 года Исхака Ислямова назначают младшим штурманским офицером на клипер (быстроходное парусное судно) «Разбойник». На клипере он участвовал в плавании по Балтийскому морю, а затем совершил кругосветное плавание, во время которого выполнялись гидрографические исследования на Дальнем Востоке, в частности в заливе Петра Великого. В память об этих исследованиях остались названия на морских картах побережья Приморского края. Одна из бухт носит название Разбойник, а один из мысов назван в честь Ислямова.

С началом русско-японской войны лейтенант Исхак Ислямов назначается старшим штурманом броненосца «Севастополь» и убывает в Порт-Артур к месту базирования.

Корабль «Орел»

Броненосец «Севастополь» совершил семь боевых походов, участвовал в обороне Порт-Артура и в бое с японским флотом в Желтом море 28 июля 1904 года. Два раза подрывался на минных заграждениях противника, но оставался на плаву и после заделки пробоин вновь вводился в строй. Лейтенант И. Ислямов участвовал во всех боевых походах. За проявленные мужество и храбрость Исхак Ислямов награждается боевым орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Во второй половине 1904 года И. Ислямова назначают

флагманским штурманом – офицером штаба начальника эскадры Тихого океана.

В годы после русско-японской войны И.И. Ислямов уходит в долгий и трудный морской поход в Заполярье, приобретает неоценимый опыт полярного плавания. По возвращении из полярного плавания И.И. Ислямову присваивается очередное звание капитана 2-го ранга, а также награждается Аннинским оружием с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. В 1906 году И. Ислямов получил право но-

Генерал-майор флота
И.И. Ислямов

манского исполкома армии, флота и рабочих. 11 сентября 1917 года И. Ислямов приказом военно-морского министра произведен в генерал-майоры флота с увольнением от службы по болезни, с мундиром и пенсией (для присвоения звания контр-адмирала ему не хватило плавательного ценза).

Сражение при Гренгаме 27 июля 1720 г.

шения серебряной медали на Александровско-Георгиевской ленте за участие в войне 1904–1905 годов в Порт-Артуре.

После Февральской революции, с началом распада российской армии и флота, нижние чины сводят счеты с командованием. Доходило до прямых физических расправ с особо ненавистными офицерами, допускавшими в свое время рукоприкладство. С офицерами требовательными, но справедливыми расправлялись по-другому. В мае 1917 года общее собрание личного состава базы выразило Исхаку Ислямову недоверие за халатное отношение к своим обязанностям и потребовало его удаления.

И.И. Ислямов возвращается на Балтийский флот. В июле 1917 года он избирается членом Гельсингфорского мусуль-

В годы гражданской войны служил в Черноморском флоте Белой армии. После разгрома Белого движения эмигрировал в Турцию. Профессор турецкого морского училища (Стамбул) Ислямов много занимался научно-просветительской деятельностью, являясь автором словаря татарских корней в русском языке. Писал труды по мореплаванию.

Умер И.И. Ислямов 4 июня 1929 года в Константинополе в возрасте 64 лет.

Генерал И.И. Ислямов был женат на дочери губернского секретаря, дворянке лютеранского вероисповедания Вере Александровне Панаш. У них было двое детей. Яков (1897 г.р.) и Илья (1899 г.р.). Обоих сыновей крестили и вырастили в православной вере.

«Татарстанское кино выходит на мировой экран», «Татарфильм всем покажет!», «В Татарстане начнется эра кино»... Такими заголовками еще недавно пестрели казанские газеты. Поводов для оптимизма хватало. Два года подряд на международном фестивале мусульманского кино «Золотой минбар» заявлялись ленты местных кинематографистов. В 2007 г. – приз зрительских симпатий завоевала картина «Дилемма», в 2008 г. – приз за лучшую операторскую работу получила лента «Трехногая кобыла». До этого, как ни парадоксально, кинофорум с казанской пропиской проводился без татарстанских игровых картин ввиду их... отсутствия. Кроме того, в последнее время в республике появились самобытные анимационные работы: «Камыр-Батыр» Сергея Литовца и «Шурале» Рамиля Тухватуллина. Нынешний год должен был стать не менее урожайным для возрождающейся кинематографии Татарстана. По словам директора ГУ «Татаркино» Владимира Батракова, было запланировано увеличение бюджетных средств на фильмопроизводство и начала разработка проекта строительства в Казани собственной киностудии. Однако не успевшая набрать высоту и скорость татарстанская киноиндустрия может увязнуть в кризисе.

Из-за финансовых трудностей в стадии консервации сейчас находится игровая картина с рабочим названием «Три аршина земли». Съемки фильма, снятого по сценарию Мансура Гиязова по мотивам произведений своего отца – известного татарского драматурга Аяза Гиязова, велись в Мамадышском районе Татарстана. В 2006 г. на создание фильма был получен грант Министерства культуры РФ в размере 15 миллионов рублей. Однако деньги быстро закончились. «Это сложное, постановочное кино: с пожарами, полетами на вертолетах, наводнениями», – говорит продюсер картины Светлана Бухараева. – Понятно, что за несколько лет, пока шла подготовка и съемки картины, цены значительно выросли. Пленка покупается за валюту, увеличились транспортные расходы... В результате мы не уложились в смету».

Светлану Бухараеву в киношных кругах республики хорошо знают. В ее послужном списке полнометражная лента «Куктау» (режиссер И. Ягафаров), получившая приз гильдии кинопродюсеров на «Кинотавре». В проект «Три аршина земли» были привлечены лучшие силы российского и татарстанского кинематографа. Режиссер картины Юрий Фетинг (высшие режиссерские курсы, мастерская А. Германа) знаком зрителям по картинам «Рождественская мистерия» и «Мифы моего детства». А имя оператора Максима Дроздова, занятого в татарстанской картине, недавно прогремело на весь мир! Его работа в тандеме с Алишером Хамиходжаевым в картине «Бумажный солдат» удостоилась премии «Озелла» на кинофестивале в Венеции. Актерский состав «Трех аршинов земли» необычайно пестр – в нем снялись актеры из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Альметьевска, Бугульмы и даже обычные деревенские жители. «В Казани нет профессионалов кино что называется по полной линейке, поэтому состав получился сборный, но от этого картина только выигрывает, – считает Светлана Бухараева. – Наши собственные кадры, работая рядом с такими профессионалами, получают колоссальный опыт».

Создатели картины надеются, что «Три аршина земли» станут настоящим произведением искусства, событием в жизни республики, а не очередной попыткой сделать национальное кино. Для этого есть почти все составляющие: профессиональная киногруппа и крепкий сценарий, в котором рассказывается

о важности возвращения к историческим корням, о том, что земля предков, их язык и вера не должны быть проданы или уничтожены. Чтобы довести проект до конца не хватает только денег. Съемки закончились, но смонтировать и озвучить картину пока не удастся. «Экономический кризис подкосил наши планы. Недавно нам удалось получить принципиальное согласие татарстанского правительства на софинансирование картины и уже выделены 5 миллионов рублей из необходимых для завершения проекта 15-и» – говорит Бухараева. «Но на отборочный тур «Кинотавра», как мы рассчитывали первоначально, картина, тем не менее, не попадет. Уже не успеваем. Дай Бог закончить к осени, чтобы принять участие в «Минбаре». «Три аршина земли» – кино не кассовое, поэтому есть надежда на благоприятную фестивальную судьбу».

Другой настрой и мотивация у известного в Татарстане продюсера и режиссера Рамиля Тухватуллина. Проект «Орлы» (сценарий Айсылу Хафизовой), в котором он выступает в качестве режиссера, находится в процессе озвучивания. В мае в Московском Доме кино планируется премьера фильма. «Меня приняли в Союз кинематографистов России, – не без гордости говорит Рамиль Тухватуллин, – во время премьеры обещали торжественно вручить «корочку». У «Орлов» тот же бюджет, что и у «Трех аршинов...», однако уже изначально предполагалось, что деньги на фильм будут выделяться сразу из двух «карманов» – российского и татарстанского. Вопреки современным законам маркетинга Тухватуллин уверен, что фильм возьмет кассу. «Хотя весь постпродакшн в руках «Татаркино» – говорит режиссер, – чутье мне подсказывает, что фильм будет иметь успех. Он обязан иметь хорошую прокатную судьбу. Я хочу, чтобы он понравился зрителю. Искусство ради искусства – не для меня». Словам режиссера присуща некоторая доля лукавства. Дело не столько в его интуиции, сколько в большом опыте. Тухватуллин единственный в Татарстане режиссер, который практически ежегодно снимает по полнометражной картине («Орлы» – его четвертый проект). Студия «Рамай», генеральным продюсером которой он является, уже имеет опыт сотрудничества с «Каро-фильм» и другими крупными кинопродюсерами. Фильм «Дилемма», выпущенный в прошлом году, посмотрело несколько десятков тысяч зрителей. В общероссийских масштабах – цифра смешная. Но для татарстанского кино это огромный прорыв. Если учесть, что в Казани всего лишь один государственный кинотеатр.

Не успев выпустить «Орлов», Рамиль Тухватуллин уже вынашивает замысел следующей картины. На этот раз он хочет снимать фильм для детей. И это в условиях, когда в России заморожено около трети уже запущенных в производство фильмов и будущее кинематографа весьма призрачно. Ежегодные субсидии государства на поддержку отечественного кинематографа будут сокращены с 3 млрд. рублей до 300 млн. Кроме того, Минкультуры РФ предлагает выделять средства только крупным продюсерским компаниям. Их список пока не определен, но определены критерии – это посещаемость фильмов за два предыдущих года, а также прогноз охвата зрительской аудитории данного фильма. В этих условиях шансы татарстанских кинематографов на получение российских государственных грантов близки нулю. По мнению Рамиля Тухватуллина, желание государства оправдать вложения понятны, но эта временная антикризисная мера вряд ли себя оправдает. «Отдавать деньги только крупнякам – неправильно. Потому что начнется

Лейсян СИТДИКОВА

Татарское кино: быть или не быть...

субподрядничество. Я думаю, рано или поздно вмешается федеральная антимонопольная служба. К тому же киноиндустрия – это не только область экономики, но и область культуры. За бортом может остаться настоящее искусство».

С Тухватуллиным согласен и другой казанский кинорежиссер, в прошлом тележурналист, Владислав Петров. Он апеллирует к истории французского кинематографа. В 50-е годы во Франции господствовало синема дюпапа (папино кино). Несколько крупных кинокомпаний полностью узурпировали производство и наводнили экраны развлекательными и непритязательными фильмами. В 1959 г. в этот узкий круг ворвались Ален Рене, Франсуа Трюффо и Жан-Люк Годар, которые буквально взорвали кинематограф. Ни у одного из них не было профессионального режиссерского образования и финансов, но ими двигала всепоглощающая любовь к кино. Все трое, а также многие их единомышленники хотели не просто показать на экране своих ровесников, но и стремились придать этому явлению акту-

«Мы все в этом мире в гостях, – говорит Сафиуллин, – и хотелось бы оставить после себя след. Я решил снять именно татарское кино. На это не жалко было ни сил, ни денег». Доволен ли продюсер? Очень. Статуэтка фестиваля Минбар за лучшую операторскую работу, которой удостоился Эдуард Ситдилов за фильм «Трехногая кобыла», хранится у Сафиуллина дома. В ближайшее время он обещает сделать ее копию и подарить всем участникам съемочной группы. «Во время работы над этим проектом я познакомился с потрясающими людьми, которые «не заканчивали ВГИКов», – продолжает Сафиуллин, – но при этом необычайно талантливы и у которых до этого времени не было возможности проявить себя». Недавно ГУ «Татаркино» организовало прокат «Трехногая кобылы» в сельских кинотеатрах и школах. По данным управления, фильм посмотрело около пяти с половиной тысяч зрителей. Показал фильм и канал «ТНВ». Продюсер получил от проекта то, что хотел, то есть чисто эстетическое удовольствие, славу, но никак не прибыль.

Во время съемок фильма «Три аршина земли»

альные формы, создать новый визуальный язык. Творения гениальной троицы так изменили экранное искусство, что вскоре это направление окрестили «новой волной» – «nouvelle vague». Достижениями новой волны до сих пор питаются современные поколения режиссеров. «Если в России останутся только продюсерское кино – развитие кинематографа остановится, очень быстро застывает и превращается в кладбище режиссерской индивидуальности. – говорит Владислав Петров. – Я не хочу, чтобы, едва зародившись, татарстанское кино превратилось в продюсерское, от которого и так тошнит. Хотя бывают и исключения. В прошлом году мне и моим единомышленникам повезло познакомиться с человеком, который захотел вложить деньги в кино, и при этом не собирался заработать на нем. Так что, наверное, его нельзя называть продюсером в классическом понимании этого слова».

Речь идет о казанском предпринимателе Ильхаме Сафиуллине, который полностью профинансировал ленту «Трехногая кобыла» по повести Айдара Халима (режиссер Нурагия Замалеева). Инвестор принял активное участие в выборе литературного источника для экранизации и даже снялся в одном из эпизодов – сыграл цыганского барона.

Но на этом вкладе в татарстанское киноискусство амбиции бизнесмена не исчерпываются. Свой следующий проект он намерен не только инвестировать, но и режиссировать. «Хочется снять фильм про любовь. Думаю, потратить сотку баксов» (\$100 тыс. – прим. редакции). На фоне полутора миллионных бюджетов татарстанских коллег по цеху, вложения кажутся весьма скромными. Но чем черт не шутит! В конце концов Андрей Звягинцев снял «Возвращение» всего лишь за 400 тысяч долларов, взятых Дмитрием Лесневским (РЕН-ТВ) у Чубайса. Но при этом фильм стал чемпионом по участию в фестивалях (17 главных призов) и собрал хорошую кассу.

Свой новый фильм Ильхам Сафиуллин намерен делать со старой командой. Речь идет прежде всего о режиссере монтажа «Трехногая кобылы» Владиславе Петрове, операторе Эдуарде Ситдилове и звукорежиссере Вячеславе Слесаренко. После премьеры картины на фестива-

ле мусульманского кино «Золотой минбар» татарстанские СМИ не поспешили для этих ребят на уничижительные эпитеты – «самоучки», «любители», «непрофессионалы». «Сначала мы обижались, – говорит Эдуард Ситдилов, – а теперь просто не обращаем внимания. Спилберг – ничего не заканчивал, Эмерсон, который снял «Титаник» – водитель дальнбойщик, Тарантино – работал билетером в кинотеатре. При этом все те, кого я перечислил, знают кино даже лучше, чем киноакадемики. Еще Тарковский говорил, что если ты где-то учишься, еще не знаешь, что станешь режиссером. В любом случае сделать хорошее кино очень сложно, даже имея образование и деньги».

Кино в Татарстане действительно в основном делают непрофессионалы. Людей, закончивших специальные учебные заведения, можно пересчитать по пальцам: пара сценаристов и режиссеров, да несколько операторов. Не имея серьезных шансов реализоваться в Татарстане, уехали в Москву и Санкт-Петербург режиссеры Марина Разбежкина и Эдгар Бартеков, оператор Рафик Галиев и многие другие. Впрочем, недавно начался обратный процесс. Оператор Сергей Литовец, уехавший несколько лет назад в Москву, с радостью согласился работать на вышеупомянутом проекте «Орлы», а Эдгар Бартеков принял приглашение вести мастер-класс на кафедре киноискусства в Казанском государственном университете культуры и искусства. Татарстанская «киношкола» была открыта с легкой руки Рамиля Тухватуллина. «Кому, как ни мне продвигать и лоббировать наш кинематограф. Для этого я и в правительстве», – предельно откровенен в своих высказываниях Тухватуллин, который не только успевает снимать и продюсировать кино, но и возглавляет Управление культуры и развития языков народов РТ Кабинета министров Татарстана. Конкурс на новоиспеченное отделение киноискусства составил 5 человек на место. Сейчас азы режиссуры и драматургии там постигают 15 студентов. Заведующего кафедрой волнует сейчас только одно – возможность будущих выпускников реализоваться в Татарстане. «Пока у нас есть лишь единичные проекты – удачные или не очень, – говорит Тухватуллин. – Нам нужно глобальное решение, постоянные объемы фильмопроизводства. Нельзя останавливаться. Второй раз мы можем не подняться. В России 7 миллионов татар, и они хотят смотреть кино на родном языке».

В республике давно обсуждают вопрос создания собственной киностудии. Однако окончательное решение пока так и не принято. И кризис, ясно, не способствует реализации этого амбициозного проекта. Руководитель ГУ «Татаркино» Владимир Батраков считает, что республика взяла достаточно высокую планку. В 2008 г. на экраны вышло 13 разномасштабных татарстанских проектов. «Нам важно не только стараться удерживать этот объем производства, но и повысить качество работ. Нужны мощные картины, которые могли бы заявить о республике на международном уровне, для чего требуются крупные инвестиции. Но до этого нам пока еще, увы, далеко», – подытоживает глава «Татаркино».

В общем, «татарстанское кино» – это как «смысл жизни». Словосочетание, исполненное подлинного драматизма. Главное, чтобы разговоры о возрождении национального кино не остались всего лишь разговорами. Иначе отдельные интересные работы конкретных татарстанских режиссеров станут фактом не столько национальной кинематографии, сколько их собственной творческой биографии и недюжинных пробивных способностей.

Кадрле балалар!

Газетабыз сәхифәсендә бүген без күренекле балалар шагыйре Бари Рәхмәтнең сезгә атап язылган шигырьләрен тәкъдим итәргә булдык. Бари Сибгатулла улы Рәхмәтуллин 1897 нче елда Урал губернасында (хәзерге Казахстанның Гурьев өлкәсе) туган. 1957 елда Мәскәүдә татар әдәбияты көннәрендә укучылар каршында чыгыш ясаганда кинәт вафат була. Аның әсәрләре, хаклы рәвештә, татар балалар әдәбиятының классик үрнәкләреннән санала.

БҮГЕН ӘНИЕМ БӘЙРӘМЕ

Котлап әнием бәйрәмен
Мин челтәрләр бәйләдем,
Үскәч әле матур итеп
Мамык шәлләр бәйләрмен.

Аны шатландырым дип,
Яхшы укып йөрмим мин.
Тырышып йөрмим – вузга алтын
Медаль белән керим дип.

Бүген дә тик йөрмәдем:
Үтүкләдем кәрләрен,
Үтүкләп куйдым бәйрәмгә
Кия торган күлмәгем.

Бер эшләргә керешсәң,
Нич ялыкмыйсың эштән.

Ялт иттереп өйне жыйдым,
Су куттердем инештән.

Сарыкларны карадым,
Тавыкларны санадым,
Оялардан алып кердем
Салган йомыркаларын.

Он тугладым казларга,
Кертеп яптым абзарга.
Кирәк-яраклар алырга
Барып кайттым базарга.

Коймак жылытып майладым,
Самоварым кайнады.
Әни кайткач нишләр инде,
Аңа эш тә калмады.

Бари РӘХМӘТ**ТОТА АЛМЫЙ**

Чалкан яткан Гөләнвәр,
Тормыш ал да гөл аңар.
Баш очына матур гына
Әнис алма элгәннәр.

Алмасын ул, тотам, ди,
Тотып алып йотам, ди;
Кулларын да бутап карый,
Үзе бер дә тоталмый.

Тоттырмый шул алма бик,
Качып китә – алдалый.
Гөләнвәрә йодрыкларын
Кабып куя алма дип.

ЛӘЛӘ ЧАНА ШУА

Ләлә чана шуа,
Шуа, шуа, шуа,
Егылып чанасыннан
Төшөп кала шунда.

Шуып китә чана
Тау астына таба,
Йөгереп төшөп Ләлә
Эләктереп ала.

Карын кага-кага,
Ләлә менеп бара,
Таш тутырган кебек,
Авырайган чана.

Чана тауга менми,
«Әйдә, тартып мен», – ди.
Ләлә: «Менә кызык!
Ничек меним мин?» – ди.

«Тартып булмый мәллә
Тауга таба, Ләлә?
Шуа белгәч, өйрән
Тартып менәргә дә».

САРА СУГА БАРА

Ия төшөп башын,
Керт-керт итеп басып,
Тәңкә-чуар матур
Көянтәсен асып,

Сара суга бара,
Суга бара Сара,
Су алырга бара,
Кара, карасана!

Көянтәсен сарып
Алган беләкләре,
Шыгыр-шыгыр килә
Зәңгәр чиләкләре.

Нәни кыз булса да,
Эш ярата Сара,
Уңган кыз ул Сара,
Булган кыз ул Сара.

Сара пөхтә, диләр,
Сара чиста, диләр,
Төскә-биткә чибәр,
Эшкә оста, диләр.

ТАПКЫР ҖАВАП

– Йокың килмиме, Вәли?
– Күренми әле, әни.
– Күренеп киләмми ул?
– Күренмичә килә шул.

БАЛА БЕЛӘН ӘТӘЧ

– Әтәчем! Әтәчем!
Ник иртә ятасың?
Йокыдан син безне
Иртүк уятасың.

– Мин ятмыйм –
кунаклайым,
Йокыга бик сак мин.
Хәйләкәр төлкедән
Тавыкларны саклайым.

– Торасың да иртүк,
Кычкырасың бик күп,
Кикри-күк, кикри-күк,
Кикри-күк, кикри-күк!

– Мин сиңа
кычкырмайым,
Әниң торсын, дим.
Кабартма пешерсен,
Самовар куйсын, дим.

КИТАПЛАР

Рәсемле журналлар,
Китаплар бар бездә,
Тик укый белмибез
Аларны беребез дә.

Без күрөп белмибез,
Күрмичә укыйбыз
Пушкинны, Түкайны,
Маяковскийны,
Такташны, Маршакны.
Сәхнәдә сөйлибез
кайчакны.

Китаплар эчендә
Күп була рәсемнәр,

Язулар да була
Рәсемнәр астында.

Укыйсы, беләсе
Килә шул барсын да.
Апама киләм мин:

«Беләсем килә бик
Нәрсә дип язылган
Рәсемнәр астына,
Барысын да сөйлә»,
– дип.

Ул бер дә иренми,
«Матурым минем!» дип,
Битемнән сөя дә,
Тотына сөйләргә.

ЯЗ КИЛӘ

Яз килә! Яз килә!
Сыерчыклар килә.
Гөрләшөп, сайрашып,
Жырчы кошлар килә.

Чыпчыклар түбәдә
«Чыр-чыр-чыр»
киләләр,
Ә сайрый белмиләр
Беринди көйгә дә.

Бик күнелле тышта:
Кар эри, боз китә,
Чабышып йөреләр
Малайлар бер читтә.

Эх, суга керсәң, ә!
Чупырдап йөрсәң!
Ярамый, орышалар
Әниләр, күрсәләр.

Бер тавык:
«Кыт-кыт, – ди, –
Без язга чыктык, – ди, –
Йомырка салдым мин,
Син дә сал, чыпчык»,
– ди.

Начало

В 1919 году губернский подотдел по делам искусств при Наркомпросе в Казани распространил листовку – «Дети труда! – говорилось в этом обращении. – Если вы хотите быть художниками – живописцами, скульпторами и архитекторами, то идите в Казанские государственные свободные художественные мастерские и учитесь!.. Для вас, дети рабочих и крестьян, двери всех учебных заведений открыты! Будьте творцами своей культуры!» Этот призыв как бы символично совпал с рождением именно в этот год в семье рабочего мыловаренного завода им. М.Вахитова Абдрахмана и его жены Магикамал будущего выдающегося художника и деятеля искусств Хариса Якупова.

Мать Хариса во время страшного для Поволжья голода 1921 года работала в школе уборщицей и сторожем. В старом здании этой школы, в маленькой комнатке, росли все семеро детей Якуповых, привыкая с младенчества к партам, книгам, звонкам. И кусочек мела, оставленный у школьной доски, заменял им игрушки. В этой школе он впервые услышал имена национальных героев как Сахибгарей Саид-Галиев, Шамиль Усманов, Галимджан Ибрагимов. Она открывала перед ним страницы поэзии Габдуллы Тукая и Хасана Туфанова, она приобщила его к живописи, благодаря школьному учителю рисования Абдрахману Свиргузину. Он был личностью в Татарской слободе. Люди знающие говорили, что он знаком с самим Беньковым – художником, учеником И.Репина, окончившим петербургскую Академию художеств. Для Хариса это было первое знакомство с живописью. Научившись обращаться с красками, он начал писать на листах ватмана и фанеры лубочные пейзажи «а ля Свиргузин».

В шестом классе он начал ходить на занятия в изостудию при ДOME пионеров, там занимался лепкой, акварелью, рисовал с натуры. В это время Харис уже точно знал, что будет поступать в Казанское художественное училище. Старые газетные подшивки сохранили страничку «Красной Татарии» от 16 марта 1935 года. «В первых числах апреля, – сообщает корреспондент, – прошла выставка-конкурс на лучший детский рисунок [...] На снимке: пейзаж работы пятнадцатилетнего пионера Якупова, 13-я школа, 7-й класс». В другом рисунке, названном «Безработные», Харис изображает, как в ожидании работы стоят, уныло подпирая стену, сидят на земле бедняги с топорами и пилами. А корреспондент детского татарского журнала «Пионерское перо» С. Ахметова в своей заметке о выставке выделила «творческие портреты» Хариса Якупова и Лотфуллы Фаттахова. Оба они стали художниками, а в 1935 году поступили в Казанское художественное училище, над которым с середины 1930-х годов непосредственно шефствовала Всероссийская Академия художеств.

Из всех педагогов, работавших в Казанском училище, самое сильное, самое непосредственное влияние на молодого Якупова оказал Н.К. Валиуллин, ставший для Хариса и его сверстников настоящим духовным наставником. Н.Валиуллин учил молодых художников работать на пленэре, писать этюды, следя за изменчивым состоянием световоздушной среды, сам часто ездил со своими учениками на Волгу.

Из этюдов, привезенных из этой поездки, три пейзажа Якупова Валиуллин отобрал для отчетной выставки художников Татарской АССР, которая открылась осенью 1939 года в Казани.

Молодой художник осваивал самые разные жанры, такие, как историко-революционный, социальный проблематики, пейзаж, рисунок (политическая карикатура, жанровая и портретная зарисовка), плакат, даже театральная декорация. В этой рано проявившейся разносторонности интересов Хариса Якупова закладывалась основа будущей многогранности его творчества.

Война

Через две недели после нападения фашистской Германии на нашу Родину стрелковая дивизия, в одном из подразделений которой находился Якупов, была переправлена на фронт, и с 7 июля 1941 года, с первой битвы под Чаусами, восточнее Могилева, в которой участвовал художник, до самого последнего дня Великой Отечественной войны он находился на огненной передовой.

Первые месяцы войны были особенно горькими. «Началась невероятно тяжелая война в окружении, – вспоминал позднее Якупов. – Непроходимые леса и болота, осенняя распутица... Не поймешь порой, где свои, а где чужие». От усталости засыпали на ходу, на марше, стараясь в полусне не отстать от колонны. А впереди еще были самые жестокие бои на выходе из брянского леса. Конечным пунктом отступления для него в этой войне стал Елец. Освобождение города от немцев ознаменовало в жизни военного художника возвращение к творчеству. Свой первый после на-

Перед приговором. 1954 г.

чала войны фронтовой рисунок он сделал в день освобождения Ельца – 9 декабря 1941 года, зарисовав в штабе во время допроса пленного автоматчика. С тех пор альбом для зарисовок всегда находился в солдатском ранце художника, и множество рисунков было создано им на фронтовых дорогах.

«Начиная с 1942 года я много рисовал, – вспоминал Якупов, – то, что я делал, было своего рода фронтовым дневником. И потому, однажды открыв альбом, я его уже больше не закрывал и делал рисунки везде, даже в самых невероятных условиях и ситуациях. Профессия художника к этому обязывала. Суриков сказал однажды, что если бы он ад писал, то и сам бы в огне сидел и других бы позировать заставлял. Так вот и я, находясь в огне войны, старался работать, забывая от усталости и об опасности, считая этот труд не менее важным, чем моя армейская служба».

«Наши войска вступают в Прагу», «Прага ликует», «9 мая 1945 года» – таковы надписи на последних военных рисунках сержанта Якупова, таковы в его жизни последние дни бесконечно долгой войны.

К вершинам творчества

В 1946 году в Москве для молодых художников была организована Центральная студия под руководством Б. В. Иогансона и А. М. Герасимова. Якупов был направлен в эту студию для

Светлана ЧЕРВОННАЯ, доктор искусствоведения

Палитра века на якуповском холсте

ЯКУПОВ Харис Абдрахманович родился в 1919 году в Казани. Народный художник СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Госпремии СССР, премии им. Г.Тукая (ТАССР) и им. И. Репина (РСФСР), академик Российской академии художеств. Харис Абдрахманович признанный татарский классик современной живописи, его кисти принадлежат полотна, вошедшие в золотой фонд российской культуры. На протяжении четверти века он возглавлял Союз художников Татарстана. В этом году выдающийся художник России и деятель искусств встречает свой замечательный юбилей.

меновый, сестре своего товарища Байназара Альменова, который в первые годы после войны очень помог многим художникам-фронтовикам, приглашал их в Таткнигоиздат, давал заказы, умел увлечь своим творческим энтузиазмом. Семья у Хариса сложилась дружная, родились трое сыновей: Фарид, Анвар и Айдар. В 1947 году Якупова приняли в члены Союза советских художников. А 1 марта 1951 года на общем собрании этого Союза художников Татарии Х. Якупов был избран председателем правления и находился на этом посту бессменно почти двадцать пять лет.

После изгнания немцев. 1943 г.

занятий. В его группе живопись вел Б. В. Иогансон, рисунок – А. М. Соловьев. Это была короткая по времени подготовки, но сильная школа профессионального мастерства, давшая художнику уверенность в своих возможностях.

Вернулся с войны, уцелел в том аду, который ему пришлось пережить, товарищ Хариса – Л. Фаттахов. Первое время дружба жила опять вместе, в тесной комнатке, где уютно было восемь человек, картины писали тут же, устроившись на стуле или на кровати. Потом получили квартиры, мастерские, и жить, и работать стало легче. На тридцатом году в жизнь Якупова пришла любовь – большая, заполнившая всю душу, определившая дальнейшую судьбу. В 1950 году он женился на молодой художнице Рушан Аль-

ции, из школы Б. В. Иогансона, из самого принципа сочинения исторической композиции.

Работая над картиной «Перед приговором» в 1953–1954 годах, Якупов проторял в искусстве Татарии новый путь, закладывал традицию, дальнейшее развитие и творческое обогащение которой протянулось на многие годы вперед. Художник поставил перед собой задачу создать образ национального героя. Личность Джалиля, его беспримерный подвиг позволяли решить эту задачу во всей ее сложности и глубине. Внутреннее соответствие живописного образа героическим стихам Джалиля – один из важнейших моментов, определяющих историческое значение картины «Перед приговором». Из всего, что сделал Якупов в послевоенные годы по мотивам татарской литературы и ее истории, – это самое значительное произведение.

Новый этап в творчестве Якупова охватывает 1958–1965 годы. Условно можно назвать его «пестречинским» периодом, ибо главное его содержание определяется работой художника в колхозе имени М. Вахитова Пестречинского района, куда он выезжал каждое лето, начиная с 1960 года. Якупову удается живописно раскрыть особенности национальной поэтики современной татарской деревни, создать впечатляющую портретную галерею знатных колхозников и доярок, ярко передать дыхание родной природы («Портрет М. Галиуллыной», «Радостное утро» и «Сильные люди» и другие.)

Важнейшими в ряду созданных Якуповым в 1966–1980 годах произведений были большие картины, написанные к крупным художественным выставкам: «Раздумье. Живые и мертвые» (1967), «Большая Волга» (1969); «Полет на свободу» (1971), «Золото Татарии» (1974), «Челнинские красавицы» (1975).

Жанровый и тематический диапазон живописи Якупова снова расширяется. Он пишет полотна исторического, историко-революционного, батального жанров. Возвращается к образам писателей, к драматическим и героическим эпизодам Великой Отечественной войны, создает картины, посвященные событиям крупного политического масштаба («Вручение ордена Дружбы народов Татарской АССР», 1977, в соавторстве с А. М. Родионовым). Отражает процессы и явления трудовой деятельности советского народа (добыча нефти в Татарии, строительство КамАЗа), много работает над портретом, при этом значительно расширяя круг портретируемых, включая в него крупных государственных деятелей (портрет первого секретаря Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеева, 1978), ученых, ветеранов войны («Наш комбат Владимир Мысин», 1968), рабочих-нефтяников.

Главное, однако, что характеризует направление творчества Якупова, – не столько движение экстенсивное, сколько стремление проникнуть мыслью в глубь исторических и современных процессов.

Наше наследие

В этом году (в марте) исполняется 120 лет со дня рождения классика советской литературы Лидии Николаевны Сейфуллиной (1889–1954). В последние два-три десятилетия ее имя как-то ушло в тень, произведения такие, как «Виринея», «Перегной», «Правонарушители» не переиздавались, в том числе и в Татарстане. Более того, даже и часть читательской публики не знает, что она татарка. Да и как быть известной, если в Татарском энциклопедическом словаре (Казань, 1990) имя Сейфуллиной не значится в словнике персоналий. Между тем, отец Лидии Николаевны происходил из казанских татар. В своей автобиографической повести «Из мрака к свету» он описал, как его, маленького, шестилетнего сироту-татарчонка, плохо понимавшего русский язык, увезли студенты-медики из глухой деревни в город Казань. Там его взяла на воспитание добрая русская семья и дала ему образование. Тогда же его окрестили и нарекли русским именем – Николаем. Фамилию сохранили прежнюю. Сейфуллина не забывала своих татарских корней. Не меняла своей фамилии в замужестве. Прожив долгие годы в Сибири, на Урале, в Поволжье, хорошо знала жизнь татар. Известен эпизод, связанный с приездом А.В. Луначарского в Новониколаевск (впоследствии Новосибирск) после освобождения города от колачковых. Члену правительства представили закутанную в шубу с нахлобученной ушанкой Сейфуллину со словами «Наша гордость, настоящий талант». Вечером нарком поинтересовался у предревкома: «Вы знакомы с молодым татарским писателем Сейфуллиным?» Тот пожал плечами. «Как же, – удивился Луначарский, – мне сказали, у него прекрасная вещь о малолетних правонарушителях?» Предревкома понял, о ком шла речь и пояснил, что это Лидия Сейфуллина. Ей так понравилось это «недоразумение», что с тех пор она, когда приходила к Луначарскому, неизменно произносила: «К вам молодой татарский писатель».

Лидия Николаевна родилась в Оренбургском крае близ Магнитогорска. Начальное образование получила в сельской школе, а затем в Омске закончила гимназию. До профессиональной литературной деятельности работала в Поволжье и Сибири: учительствовала, в том числе в татарских, мордовских

селах, работала в библиотеках, сотрудничала в местных газетах. Она стояла у истоков рождения такого известного журнала, как «Сибирские огни» (Новосибирск – в те годы еще Новониколаевск, 1922). В первом номере появилась ее первая серьезная повесть «Четыре главы», с которой и начался творческий путь Л.Н. Сейфуллиной, проложивший плодотворную художественную борозду на огромном поле советской литера-

туры. Она обладала настоящим большим талантом, и ее популярность не была искусственно взращенной, как популярность современников Сейфуллиной – М.Шагинян, М. Прилежаевой, Г. Серебряковой, В. Инбер. Ее дарование очень ценили знаменитые писатели и поэты – М. Горький, В. Маяковский, А. Фадеев, К. Чуковский, Вс. Иванов, И. Эренбург, артисты и режиссеры – А. Попов, Б. Шукин, Вс. Мейерхольд. Поставленный на сцене театра Вахтангова спектакль «Виринея» собирал полные залы зрителей не только в СССР, но и в Европе (Прага, Париж). Л.Н. Сейфуллина – первая татарка писатель, творчество которой оказало заметное влияние на российскую литературу. Виринея совершенно новый образ в нашей литературе, женщина, которая глубоко осознала свою и гердерную, и социальную роль в жизни, высоко несла свое достоинство и любовь к людям. Писатель и педагог Макаренко после прочтения «Правонарушителей» так отзывался: «Это небольшой рассказ, тем не менее он сыграл очень важную роль, гораздо более важную, чем «Педагогическая поэма». Почему? Потому что в этом рассказе впервые, и

довольно неожиданно и смело, были высказаны истины о правонарушителях, составляющие аксиому».

В 90-е годы наша научная и литературная общественность по-новому прочитывает и осмысляет наследие. Так, сбросив идеологические шоры, уже по другому воспринимают, например, Павку Корчагина, загнанного официальной критикой в хрестоматийный штамп героя нового, коммунистичес-

лоэмигрантов. И когда Маяковский представил Сейфуллину, из зала ехидно закричали: «Где она, не видим, пусть встанет!» На что Маяковский громко заявил: «Сейфуллина высоко стоит на собрании своих сочинений!». Она была смелым человеком. Перед первым съездом писателей (1934),

опускают и помещают в «др.» и «пр.»...сказал один пере-страховщик: «На сегодняшний момент Сейфуллина у нас не звучит». Как ты расцениваешь такое отношение?» «Какая чепуха», – вырвалось у Фадеева. «Что не веришь? Проверь...А известно ли тебе, что моя пьеса «Наташа» была принята к постановке в театре Мейерхольда, была доведена до генеральной репетиции, а потом исчезла вместе с Мейерхольдом. Она зажгла спичку, руки у нее дрожали. Фадеев чертил сухой веткой по земле и молчал» (З.Н. Сейфуллина. «Моя старшая сестра». М., 1970).

Умерла Л.Н. Сейфуллина в 1954 году, похоронена в Москве на Введенском кладбище.

В произведениях Сейфуллиной живут и переживают свои радости и беды люди разных национальностей. В «Правонарушителях» немало татарских беспризорников, ведь в основу событий повести легла жизнь южноуральской детской колонии в Турояке. В 20-х годах был написан также рассказ «Темная» о бедном оренбургском башкире, его растерянности и беззащитности в этом быстро меняющемся мире. Рассказ живой, взятый из жизни и переданный без примеси литературщины, потому и трогает сердце читателя. Рассказ, который Сейфуллина планировала развернуть, доработать основательней. Но как-то не сложилось.

«К вам молодой татарский писатель...»

кого времени. Оказывается, это глубоко размышляющий человек, уже тогда ощущавший – что-то происходит не так, не по-человечески крут и несправедлив большевистский обруч, все туже сжимающий людей, их чувства, мысли, поступки. В новом прочтении нуждаются, конечно, и другие классики. И, разумеется, Л. Сейфуллина. Немало талантливых произведений, особенно написанных в 20–30-е годы прошлого века, были извращены пролеткульта критикой, работавшей на потребу политического момента. Ждут своих исследователей и произведения Л.Н. Сейфуллиной.

Кроме художественного дара Сейфуллина обладала редкостным даром человеческого обаяния. Она была дружна со многими выдающимися людьми своего времени. Ее обожал В. Маяковский, нежно называвший писательницу «Сейфуллинкой», постоянно звал в свой ЛЕФ, а та упорно отказывалась. Он любил ходить рядом с ней, а Сейфуллина всегда прогоняла поэта, стесняясь своего маленького роста. Однажды они за рубежом вместе выступали перед публикой, среди которой было немало бе-

известных авторов собрали на квартире у Горького. Приехал Сталин. Только что закрыли РАПП (ассоциацию пролетарских писателей), но навязывали писателям тех же руководителей. Сейфуллина сидела напротив Сталина и вдруг громко и четко ему сказала: «Что же, Иосиф Виссарионович, получается? Только что Вы нас освободили от рапповской опеки и теперь хотите опять на писателей хомут одеть?» Это было как разорвавшаяся бомба.

А в 1946 году Сейфуллина защищала Ахматову и Зощенко, хотя это было очень опасно. Между тем ее муж журналист Правдухин был репрессирован в 37 году и расстрелян. Уже перед войной, а особенно после войны стали реже ее печатать. Вот какой разговор в начале 50-х годов состоялся у нее с А.Фадеевым, председателем СП СССР, членом ЦК партии, в которую Сейфуллина, кстати, не вступала. «Ты, Саша, давно знаешь меня, знаешь, что я никогда не иду на поводу у других, хотя бы их было большинство...Ты упрекаешь меня, почему редко хожу на собрания...но даже когда бываю и выступаю...в отчетной статье в «Литгазете» мои выступления

ТЕМНАЯ

Страшно было ночью. Буря больно злой в степи. Но башкир, как собака, дорогу чувствует. Не пропал Шишингара. А теперь день, солнышко светит, и кругом люди. Но страх не пропал. Куда пойдешь? Не в своем Куватове. Дома крепкие, большие, важные. Последний раз в городе был, когда у Нурмухамета батрачили. Привозил его в земство. Нурмухамет «гласный» тогда назывался. Богатый, толстый тогда Нурмухамет был. В Куватове главный. Теперь ему как. Земство тоже красный товарищ запретил.

Аллаверда Ягфаров говорил – красный товарищ за бедных. Шишингара бедный. Ой-ой-ой, плохо жить Шишингаре! Царь был, земли не было, хлеба не было, денег не было. Только на чужих баранов да лошадей смотрел.

Царь пропал. Товарищ пришел. Шишингаре все плохо. Видно, шайтан смеется над Шишингарой. Сыны пропали на войне. Сам стар стал. Красный товарищ за бедных, а как ему скажешь? Слов мало, и всех боится. А малайка Шишингару испугалась. Глупый!

Шурятся косые глаза. Тупо спокойно скуластое старое лицо. А под дырявым бешметом тревогой бьется сердце.

Ноги сами привели. Вот здесь земство было. Теперь красный товарищ живет. Жалобно скрипнула дверь. Скрипит, как маленькая Хатыча с голodu плачет. Внука и все внуки плачут. И Шарипка, и Гизатулла. Шарипке уже десятый год... Кому скажешь?

Две кызымки бегут по лест-

нице. Молодые, веселые. Гульшат тоже такой козой скакала. А теперь старая стала баба. Все головой трясет и смотрит как барашек, когда его режут. Остановил кызымок.

– Моя главный надо. Товарищ, торе (господин) надо.

– Что вы говорите?

Бойкая кызымка и ласковая. Расплывается лицо Шишингары.

– Товарищам красный нашальник надо.

– Не пойму. Предисполкома, что ли?

– Сполком... Сполком...

Обрадовался, смеется. Вспомнил: так зовут.

– Сейчас, Михаил Петрович!.. Вот идите сюда. Вот к этому столу.

Подождал. Самый главный или нет?

– Михаил Петрович, вот ему в кабинет надо. Поговорите с ним. Подождите. Он вас проводит.

Убежала. Малый начальник ждет. А Шишингара старый кушак развязывает. За пазухой долго ищет. Там царская пятишка спрятана. «Темную» (взя-

ку) Шишингара дать хочет. Начальству всегда надо «темную» давать. За тем и пришел в город. Дать «темную» и просить – хлеба в Куватове послать.

– Что вам, товарищ? По-русски можете?

– Русски... можна... можна...

Торопится, достал, трясет пятишкой...

– Нашальнику моя дает. Красному нашальнику. Пускай хлеб Куватова дает. Ой-ой-ой, Шишингара терпил, все терпил. Плохо в Куватови! Абтраган.

– Зачем «начальнику» платить? Я не пойму ничего.

– Красной товарищ... Шишингара дает. Сказать надо. И лошадка ржет, када бульна, и собака вует, када смерть идет... И моя конец сапсим... Возьми «темную»... Пожалыста бери... Пожалыста хлиб давай. Ой-ой-ой, плохо...

Силится сказать, шурит... Чего скажешь? Русский умный, тот скажет и про Шарипку, и про Гизатуллу с Хатычей, и про старую Гульшат. Про все скажет. Малайкидохнут.

Все на мазарки тащат башкир. Бабы воют. Никто не слышит. Башкирский народ смиренный и ничего не знает. Хлеба у него всегда мало. Русский землю пахать умеет, башкир плохо умеет. Русский просить умеет.

Понял малый начальник.

– Взятку дать хочешь? Ай-ай-ай, какая темнота!

Говорит долго. Не поймет Шишингара. Видит только – не берет «темную». Не пускает к красному товарищу.

Уходить надо. Опять скрипит дверь. Опять на улице. В руке крепко держит свою «темную».

Помнит, всегда «темная» помогала. Когда земский начальник своей жене землю у Куватова покупал, – мулле и старшине «темную» заплатил, и продали землю. Куватовским плохо стало. Один песок остался. Молодые башкиры не хотели. А мулла и старшина «темную» взяли и под бумагой подписали всех мертвых башкир куватовских, и много подписей стало. Все по закону вышло. Помогла земскому «темная». И много Шишингара про «темную» знает. Помогала.

Малый начальник не взял. Куда пойдешь?

Публикация
Р.Г. Гузаирова

Зеленым прокурором заключенные сталинских лагерей называли побег. Как поясняет Ал. Солженицын в «Архипелаге ГУЛаг», этот прокурор, то бишь зеленый лес, случалось, хотя и чрезвычайно редко, вчистую освобождал зека, давал ему шанс изменить свою судьбу. В главе 14-й «Менять судьбу!» автор знаменитой книги описывает наиболее дерзкие побеги из концлагерей, в том числе и из Краслага в послевоенные годы. Этот побег, как и многие, не увенчался успехом. Солженицын пишет, что все его участники погибли. Но молва о том побеге дошла до Солженицына не совсем точно. Погибли не все, одним из оставшихся в живых был Закир Губайдулин (точнее, Губайдулин, родился в 1928 г. в Улан-Уде). Судьба сберегла его, если уместно здесь это слово, до времен перестройки, когда правде о сталинизме был дан простор, до дней, когда Губайдулин мог прочесть книги Солженицына. Тогда и заметил Закир Зинатулович неточность, написал автору о ней. Так родились воспоминания бывшего зека, которые в сокращенном варианте предлагаем вниманию читателей.

В 1948 году я был арестован за прогул от работы и отправлен в тюрьму. Где-то через месяц меня вызвали на суд. И там мне объявили, что я обвиняюсь по Указу от 1947 года и должен понести наказание за прогул, как за саботаж (ст. 58). И так мне прокурор вынес – 7 лет лишения свободы. Дали мне последнее слово. Я сказал всему составу суда: «вы враги народа и недобитые ежовцы». После чего мне суд вынес 10 лет и пять лет поражения в правах с отбытием в строго режимных лагерях (ст. 58-14). Итак, моя жизнь покатила и поехала «по воронкам и столыпинским вагонам».

Первое время я не мог понять, что творится в юридических законах: абсолютно ни за что судят людей. Сначала я думал, что меня только одного осудили по Указу за прогул. А когда увидел: в тюрьме таких, как я, сотни человек, окончательно понял, что это террор и вредительство.

Да, я должен Вам сказать, что у меня ненависти было хоть отбавляй, притом я был настырным. За свое самолюбие я много страдал в лагерях, которые прошел, и всюду лагерная администрация колола мне глаза, как саботажнику. А надзиратели были хуже немецких полицаев, постоянно ходили с железными тростями. За одно неправильное слово били этими тростями, садили в карцер или в барак усиленного режима. Но сколько они меня не мордовали, я все равно перед ними на задних лапках не стоял и пощады не просил... Им нужна была дармовая рабочая сила, вот они по плану и делали чистку, сколько, куда нужно заключенных. Понадобилось в Китоилаг на новую стройку 60 тысяч человек, они быстро свезли со всего Советского Союза. Что такое Китоилаг? Станция Китоил в Иркутской области. В то время там стоял густой лес. В 1947 году нагнали заключенных, спилили лес, поставили юрты и бараки, огородили колючей проволокой и – пошли шпалы заключенных. Таких зон сделали 25 и почти в каждой было по две с половиной тысячи. Начали строить секретный комбинат и одновременно строить город Ангарск.

...Теперь опишу Краслаг. В 1949 году меня этапировали в Краслаг. Почему называется Краслаг? Я Вам должен сказать: это Красноярский край, станция Решёты. В этих Решётах было само управление лагерей, зон в то время было около 15. В основном – леса повальное. На одну из них пришел (называется она Верхняя Покаяевка) ОЛП № 9 строгого режима.

Контингент лагерников был в зоне разный: были и воры, и политические, и головорезы. Зона делилась на три группировки. На воровскую, на сучью и на мужицкую. Но мужики это вечные рабы. А воры и суки считали себя благородными. Но между ворами и суками постоянно была смертельная вражда, зачастую были трупы. Здесь в основном шла травля друг друга с помощью лагерной администрации, чтобы шло уничтожение самими себя. Ибо в то время администрация смеялась: якобы где-то они вычитали из истории Ленина, что он сказал о том, что преступный мир искоренит сам себя. Так вот администрация и действовала.

Закир ГУБАЙДУЛИН

ЗЕЛЕНЫЙ ПРОКУРОР

Мертвая дорога

Зачастую и мужики страдали от этой мясорубки. В зоне был страшный произвол со стороны лагерной администрации: заключенных сильно избивали, спали на голых нарах, на ночь бараки замыкали, кормили очень плохо. Люди умирали от истощения. На работу водили далеко. Тогда в основном лес вывозили на лошадях по лежневке, труд был каторжный. Сколько людей вымерло – об этом знает один медведь, так называли там прокурора.

И вот меня упрятали в барак усиленного режима. В камере нас сидело где-то человек 25. И вот в один прекрасный день открылась дверь нашей камеры. Показался у порога начальник режима. Он обратился к нам: «Кто желает на работу?» Мы спросили: «Могила копать?» Он сказал: «Силосную яму скрывать». Мы согласились выйти.

На другое утро нас действительно вывели на силосную яму. Вышло нас 10 человек. Конвоировали нас два солдата. Поработали мы первый день, второй – стали потихоньку в доверие входить, ибо они нас просили разжечь им костер, мы разжигали. А другие заготавливали дрова для них и для себя. Вроде бы помаленьку вошли к ним в доверие.

Вот здесь-то мы между собой решили их обезоружить и бежать. У нас было много ненависти к солдатам этого взвода, ибо когда нас выводили из зоны на работу, или на лесоповал, или на шпалорезку с большой партией, что они с нами выво-

ряли! Народ был истощен, еле-еле двигались. Солдаты всю партию, человек двести, клали в грязь и в воду, травили собаками, чтобы те нас драли. И все это делалось по указанию командира взвода. Зачастую нас клали без причины, из прихоти. Что мы пережили в годы страшного произвола, я не желаю это своему врагу.

И все это было, это не приукрашка. Я пишу это только кратко. Хотя нас и считали врагами народа, но они были сами хуже варваров. И жаловаться было некому.

Вот я опишу всех десять человек, что правильно написал в своей книге Александр Исаевич. То есть я тороплюсь описать,

Проехали мы еще километров десять, тут нас изрядно обстреляли из пулеметов и автоматов из засады. Тогда же убили нашего товарища – Виноградова А. Машиниста ранили в ногу, но он нам говорил, какое колесико нужно крутить. Мы уже этот паровоз вели произвольно. Подъезжая к станции Ревучий, нас еще пуще обстреляли уже с двух сторон. Здесь я был ранен в левую руку. Был ранен и Чикин в ногу, а Королеву оторвало пулей указательный палец. Тогда же Волкову пуля попала выше локтя, ему раздробило кость, впоследствии ему ампутировали руку.

Паровоз весь изрешетили пулями, вода из тандера вытекла. И наш паровоз на подъеме застыл. Здесь мы были вынуждены с него сойти, да и боялись, что он может взорваться без воды, ибо топка топилась.

Это было 4 марта 1951 года.

Хоть и начало весны, но снег лежал большой, где-то сантиметром на тридцать. Мы отошли от железнодорожного полотна в кустарники, но уже кругом стояли солдаты, вооруженные автоматами и карабинами. Они применили в нашу сторону огонь. Мы здесь залегли, выбрав удобные позиции для себя, и применили ответный огонь. Солдатам жить хотелось больше, чем нам, они тоже попрыгали. Смотрим: инструктор-собаковод направляется в нашу сторону, в руке пистолет, а собака у него на длинном поводке. Здесь, конечно, вначале мы застрелили этого собаководов, а потом собаку. Смотрим, второй собаковод крадется. Этого не смогли убить, но собаку застрелили. Когда солдаты поднялись в полный рост, а их было много, около четырех десятков, мы убили еще двух. Вроде бы стрельба прекратилась на некоторое время. Оказывается, в это время приехали из Решёты на дрезине начальник управления – полковник, начальник следственного отдела, тоже полковник и командир дивизиона.

Они дали указание солдатам в нас не стрелять. После чего командир дивизиона на расстоянии стал нам кричать, чтобы мы сдавались. «Никто в вас стрелять не будет, – кричит он. – Есть у нас указание Москвы, вас взять живьем».

Мы между собой переговорили, что нам делать, ибо у нас в то время другого выхода не было (нас все равно бы пост-

реляли, перевес был на их стороне), и мы решили сдаться. Командир кричит: «Карабины отбрасывайте в сторону и идите ко мне!» Мы так и сделали, карабины отбросили и пошли.

Вот здесь нас солдаты взяли в кольцо и конвоировали до самой дрезины. Там нас усадили на нее и увезли в Решёты, в лагерьный следственный изолятор. Медицина оказала нам помощь. Сделали нам перевязки, а Волкова на операционный стол, где ему ампутировали руку почти до самого плеча.

И вот начались наши мытарства по следственному отделу. Стали нам фабриковать дело: что мы хотели бежать за границу. Мы их фабрикации не стали подписывать. Нас били, пугали каждый раз, но все равно мы не подписали.

Так нас теребили целых полгода. За это время наши дела отправляли в Москву два раза для применения статей суда военного трибунала. К нам применили четыре статьи (самые страшные): 58-14 – групповой побег; 58-11 – саботаж; 58-8 – террор; 59-3 пункт 16 – истребление людей.

После этого нас отправили из Решёты в Канскую тюрьму Красноярского края. Нам еще до суда пришлось сидеть в этой тюрьме полгода.

Приехал Военный трибунал Новосибирского округа – тройка. На суде мы узнали о том: что наш однопалочник – Урозаев покончил жизнь самоубийством (повесился) за три дня до суда. Так как мы сидели по одиночкам, то и не могли видеть друг друга и знать о других.

Итак, начался суд. Судили нас прямо в тюрьме, в Красном уголке. Применили к двоим как организаторам статью 58 пункт 8 (террор), которая в то время означала – высшая мера наказания. Другие статьи не гласили высшей меры, так как в те годы расстрел был отменен. Алимину и Волкову присудили – террор, суд приговорил к расстрелу, без обжалования. Нам остальных суд вынес по 25 лет строгого режима лагерей, первые пять лет – тюремный режим.

Месяца через три после суда меня этапировали в Ригу для отбытия тюремного заключения. Я ровно год просидел, затем меня отправили в Брест-Литовскую тюрьму для дальнейшего отбывания наказания. Опять через год меня отправили в Ставрополь. Еще через год отправили во Владимирскую тюрьму, а последний год тюремного заключения отбывал в Тобольской тюрьме.

После тюрьмы меня этапировали опять в тот же Краслаг только не в 9 ОЛП, а на 12-й, рядом в восьми километрах. Но 12 зона с таким же режимом, что и 9 ОЛП. Все тот же произвол, вся та же мясорубка и смерти ежедневно.

Через 9 месяцев меня этапировали в Китоилаг вторично. Пробыл я там около двух лет, затем меня перевели в Омские лагеря. После Омска перевели в Приморье, в Уссурийск. Одним словом, покатали меня досье.

В общей сложности я прошел много тюрем, постоянно шел транзитом. Только в одной Москве прошел через Краснопресненскую тюрьму четыре раза. Был также в тюрьмах в Сызрани, Куйбышеве, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Армавире, Уфе, Челябинске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке. Только не был я в Магаданской тюрьме, а по всему Советскому Союзу прошел почти половину тюрем.

Но, правда, транзитчиков больше трех дней в одном месте не держали, отправляли дальше. За пройденный мною путь сколько я видел унижений, слышал оскорблений со стороны тюремных надзирателей – это я знаю один...

1992 г.
г. Улан-Удэ

Рассказ

Роза ХУСНУТДИНОВА

уж в живых нет... Меня к себе зовут. Видно, подошло мое время!

– Тебе Зубейда письмо прислала! – перебивала Рауза и вынимала из кармана халата конверт.

Заужян торопливо разрывала конверт непослушными пальцами, пробегала письмом прищуренными глазами, усмехалась. – Зубейда зубы себе вставила! Пишет – “неудачно”! Удивляюсь: почему это люди себе зубы как следует вставить не могут? Вот, посмотри на мои, как они тебе?

– Как жемчуг!

– Дело не в том, жемчуг или не жемчуг, а в том, что удобные! Совсем как свои! Бедная Зубейда! А ведь на десять лет моложе меня!

Рауза шла в комнату Заужян, открывала окно, со свистом врывался свежий морозный воздух, от ветра шевелились сухие ветки бессмертника в керамической вазе на журнальном столике. Рауза вспоминала глянцевые листья карликовой пальмы в деревянной кадке у входа в курортный городок на берегу Красного моря в Египте. Их привезли туда на целых три дня, для отдыха и купания... Это было совсем недавно,

уза. – Если только ты кого-нибудь не позвала...

– Никого я не звала, – пожимала плечами Заужян, – написала только Асхату, что я в Москве... Если будет проезжать мимо, пусть зайдет... Асхат мне очень помогал, особенно, в войну... Интересно, что он привезет в подарок? Наверное, что-нибудь немецкое, ведь старшая его дочь Альбина замужем за немцем. Ганс его зовут. А познакомились они так...

– Я тебе сейчас газету принесу, прочитаешь, – прерывала ее Рауза, – а мне работать надо...

– Работай, пожалуйста, разве я против? – удивлялась Заужян. – Только я сначала полью цветы в твоей комнате, ты их не поливаешь совсем! А цветы – как люди, хотят есть и пить. Как завяла эта традиция! Что это за земля у вас – серая какая! Вот у нас в Актау земля была черная-черная! Посадишь прутик – завтра зазеленеет! А картошка какая вкусная была! Молодую картошку мы как яблоки ели – сырой! Бывало, в середине лета выкопает с Мушарафой картошку в нашем огороде, побежим к речке, – она у нас под горой текла, – вымоем карто-

купаться... А этот узор похож на медведя... А этот – на женщину из Урзая...

– Какого Урзая?

– В семи верстах от нашей мельницы...

Рауза качала головой, уходила в свою комнату, пыталась сосредоточиться: “Храм царицы Хатшепсут был высечен в скале, в Долине Царей. Мы вышли из автобуса и направились к величественному сооружению, соперничающему разве что с Кносским дворцом на Крите...”

В девятом часу вечера Заужян с решительным видом входила в большую комнату, где за письменным столом сидела осунувшаяся от творческих фантазий Рауза, и твердым голосом произносила. – Включай телевизор! Программу “Время” будем смотреть! Я не из тех старушек, что весь день лежат на печи. Хочу знать, что случилось в мире!

И, усевшись в кресло перед телевизором, пару раз уронив наушники, прикрикнув на них, как на живые существа: “Опять не слушаетесь!” – и, наконец, наладив их как следует, вытянув руки на коленях, кивала. – Включай!

Доброежелательно поглядывала на экран, на дикторшу телевидения, кивала. – Молодец! Со вкусом оделась! И прическа скромная. Без бумажки говорит, видно, память хорошая...

Потом принималась комментировать. – Наджибулла как потолстел! Война идет, а он толстеет! Нехорошо! А Маргарэт Тэтчер почему нервничает? Такая выдержанная женщина, а сегодня смотрит сердито, наверное, в Англии что-то случилось! А Шеварнадзе – каков! То он в Америке, то в Японии – везде поспевает! Смотри, а глаза у него какие хитрые, как у кошки...

После программы “Время” начинался художественный фильм. Заужян несколько минут смотрела на экран, потом решительно снимала наушники. – Неприятные лица! Ничего хорошего между ними не может быть! Зачем на них смотреть? Выключай!

Подойдя к дочери, обнимала ее. – Не сиди допоздна! Красоту и здоровье терять нельзя! Столько работаешь!

Уходила в свою комнату, переодевалась в розовую бумазеевую рубашку, подавала ренную

РАУЗА И ЗАУЖЯН в Москве (90-е гг.)

Где-то совершаются героические действия: люди работают под землей, добывая уголь днем и ночью, в жестокий шторм вытягивают из ледяной воды сети с рыбой, не боясь гриппа и простуды, спасают людей, терпящих авиакатастрофы, тушат пожары в небоскребах, рискуя заживо сгореть в бушующем пламени, взламывают ледоколами льды, спасая китов, попавших в ловушку. Будни Раузы и Заужян были далеки от подобных масштабных действий.

Рауза просыпалась, подходила к окну, смотрела на заснеженное пространство перед соседним шестнадцатизэтажным домом с неподвижными железными качелями и перекладинами для выбивания ковров, на низкое облачное небо, с которого безостановочно сыпался снег с дождем, смотрела в зеркало на свое лицо, еще не проснувшееся, бледное, почти бессмысленное, с узкими щелочками глаз, но – умывшись, надев свежую кофточку, мягкий оранжевый халат, приведя в порядок волосы, коснувшись пуховкой щек, помадой – губ, почувствовав себя вполне красавицей и умницей, отправлялась на кухню, ставила на плиту чайник, входила в комнату Заужян.

– Вставай! Уже утро!

– Не хочу вставать! Руки-ноги болят, голова кружится, во рту пересохло, зачем вставать, если все болит!

– Вставай, чай на столе.

Охая и кряхтя, Заужян поднималась, надевала стеганый ватный халат, валенки, клетчатую шаль на плечи, направлялась в ванную. Здесь, присев на краешек ванны, так как не в силах была стоять, чистила зубы, вынув их из чашечки с водой, вставляла в рот и, приободрившись, входила на кухню.

– Чай будем пить с медом, – говорила Рауза.

– С каким медом? – удивлялась Заужян.

– С тем, что прислала Гузель.

Лицо Заужян прояснилось. – Когда же она его прислала?

– С Рустемом. Помнишь, приезжал летом?

Заужян задумывалась, отпивала глоток чая, пробовала мед и, улыбнувшись, кивала. – Да, Гузель всегда любила меня!

Но через некоторое время опять тяжело вздыхала. – Плохой сон видела нынче! Будто стою на берегу речки в Актау, а на другом берегу стоят Магдан, Миргалим, Усман, Мушарафа – те, кого

осенью. Но неужели же было?

– Рауза! – раздавался требовательный голос Заужян, и Рауза спешила на кухню.

Заужян стояла у балконной двери, глядя на бельевую веревку, на которой раскачивался воробей. Вот чирикнул, пискнул и взлетел.

– Быть бы сейчас такой же птичкой! – вздыхала Заужян. – Полетела бы сейчас, куда захотела!

– А куда бы ты хотела?

– Разве мало мест на свете, куда бы я хотела полететь? – говорила Заужян. – Думаешь, если я месяц не выхожу из дома, из-за этого гололеда, я никуда не хочу? Хочу! Хочу! Вот, попала бы я сейчас в нашу деревню, ах, какие там места! Бывало, посадит меня отец в тарантас – ни Магдана, ни Миргалима, ни Мушарафу, почему-то только меня с собой брал, – и скажет: “Поедем, дочка, посмотрим, поспели ли хлеба?” На мне, помню, платице из белого батиста, с оборочками, соломенная шляпка с ленточками, отец нас по-городскому одевал, как русских барышень... Едем по мягкой дороге, покачиваемся в скрипучем тарантасе, лошади резвые, сытые, хвостами помахивают, солнце светит, птицы поют, с одной стороны – сосновый лес, с другой – луг, весь в розовых цветочках клевера! А потом выезжаем на открытое место, а там еще больше света, и пшеница волнами, волнами под ветром ходит! И видно далеко-далеко! Нет, ничего лучше этой картины в жизни не помню!.. Ну, да ладно, тебе, небось, работать надо, иди в свою комнату, скажи только, что приготовить на обед? Может, суп с лапшой?

– Что хочешь! – отмахивалась Рауза и скрывалась в своей комнате. Там садилась за письменный стол и принималась писать: “Наш автобус мчался по желтой Ливийской пустыне. За два часа пути мы не встретили ни одного человека. Кора и Гиви, как обычно, перебрасывались шуточками. Иногда к ним присоединялся Левон, считающий себя неотразимым и остроумным. Все остальные дремали, утомленные однообразием пустыни...”

– Рауза! – раздавался смеющийся голос из соседней комнаты, и Рауза спешила туда.

– Что-то нос чешется! – с лукавым видом произносила Заужян, сидя у окна в кресле. – Кто-то к нам едет. С гостинцами. Только, вот, кто?

– Я никого не жду! – хмурилась Ра-

Фелины

и тут же съедем!

Хруст стоял такой, что как-то проезжал мимо Кашфи абзый, так потом сказал отцу: “Твои дочери, Масалим абый, что-то из реки вытаскивали и грызли, что – не пойму, но треск стоял такой, будто камни в бане натопленной от жара трескались...”

Рауза приносила газеты, и Заужян, надев очки, усаживалась в кресло, принималась читать, сначала – крупные заголовки, потом – помельче... Если попадалось слово “Уфа”, “Казань”, прочитывала дважды.

В час обедали. Заужян, неосторожно двинув локтем, смахивала со стола тарелку с голубой каемкой, расстраивалась.

Рауза утешала. – Я эту тарелку никогда не любила, как она к нам попала – не помню...

Заужян успокаивалась, веселела.

После обеда, вымыв посуду, направлялась в свою комнату вздремнуть.

Долго лежала, обратившись лицом к стене, шептала, глядя на ковер. – Один, два, три, семь...

– Что там считаешь? – заглядывала в комнату Рауза.

– Уточек на воде.. Видишь, как эти узоры по краям ковра похожи на уточек, идущих друг за дружкой к пруду

старшей, казанской, дочерью, прыскала духами “Красная Москва” – привычка

пятидесятилетней давности, потом подходила к фотографиям на книжных полках за стеклами. Вглядывалась в них, приговаривала. – Усман, это я. Марган, сынок! Рита, Рустем, живите дружно!

Перечислив всех, кого не забыла, направлялась к дивану и укладывалась спать. Долго заворачивалась в шерстяное одеяло, засунутое в цветастый надушенный пододеяльник, закрывала глаза, но вдруг снова широко раскрывала их и громко звала. – Рауза!

Рауза прибежала. – Что? Сердце? Дать валокордин?

Заужян улыбалась, качала головой. – Нет, валокордин не надо... Просто я вспомнила... Подумала, что хорошо я сделала, что не вышла замуж за этого красивого Мансура, из института, когда отец ваш умер... Умно я поступила! А то был бы у вас отчим, неизвестно, какой! Ладно, теперь иди, спокойной ночи! Только дверь не закрывай, да прислушивайся, дышу ли... Не умереть бы во сне... Да не делай ты таких глаз! От разговоров о смерти еще никто не умирал! И я не умру... Спокойной ночи.

Поэтическая гостиная

Алёна КАРИМОВА
(Каримова Алия Каюмовна)

Родилась в 1976 году в г.Кызыл-Кия Ошской области.

Живет в Казани.

Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Октябрь», и др. Автор сборника стихотворений «Другое платье».

Была участницей нескольких форумов молодых писателей России в Липках, стала стипендиаткой министерства культуры РФ (2005).

Лауреат Первого Форума молодых писателей Поволжья (Саранск, 2006).

Была участницей 41-го Пушкинского праздника (Пушкинские горы, 2007).

Член Союза писателей Татарстана и Союза российских писателей.

***

Я подожду тебя в созвездии Близнецов,
Кастор будет читать стихи,
а Поллукс играть на флейте.
А может, подожду на Луне,
под всевидящим оком сов –
Там легко и туда не
заглядывает даже ветер.
Я подожду тебя на кольце Сатурна –
Все его спутники мы сосчитаем вместе,
Знаешь, Земля оттуда
выглядит совсем недурно,
И Господь иногда
посылает на землю вести...
А можешь остаться и дожидаться весны,
Я буду сниться тебе по понедельникам,
По понедельникам снятся сны
Только таким как ты бездельникам.
А хочешь, нас не будет
ни в шутку, ни всерьез,
Нас забудут с тобою по небрежности.
Сотворение мира –
не такой уж сложный вопрос,
Но в нем почему-то
всегда не хватает нежности.

***

Потягивая чай из блюдца,
беспечно дальнего любя,
легко на свете обмануться
в необходимости себя.
И вправду, кто бы смог ещё
так горевать проникновенно
над неустроенной Вселенной,
масштабы не приняв в расчёт.

***

Не ты ли, жизнь, лгала, что ты – моя?
Что ты – родня, одной со мною крови.
Я обошла бы все твои края,
Но тонок ток твоей ко мне любви.

Но злое трио греческих старух
Не вяжется с твоей смешной повадкой
Болтать про всё. А мой животный слух
Всё переймёт. Я все впишу в тетрадку.

***

Не смей меня ловить в лукавой перекличке –
нескладный алфавит, как ящерицын хвост
достанется тебе – я выйду сквозь кавычки –
возьму прямую речь, ее рисунок прост.
Когда-то и меня кружило в карнавале,
и тайны вожделев, вослед тебе влекло,

но нынче близорук мой взгляд, и трали-вали
мне скучно заводить сквозь умное стекло.
Мильоны мелочей сплетут густую чашу,
покуда в пользу «быть» решается вопрос...
Не смей меня любить – я стану настоящей –
и не смогу других воспринимать всерьез.

***

Всё бы прощать золотых стрекоз
с крыльями чистой, как дождь, слюды,
всё бы шептать тебе сквозь наркоз
координаты большой звезды,
чьё притяжение нас убьёт,
не разобрав, что свои. Свои.
Мрачных больниц нашатырь и йод
так же полезны, как яд змеи.
Невозвращенья гудит струна,
ей искушённый не внимлет слух.
Эта другая моя страна
сгинет, едва прокричит петух.

Март

1

Ну вот и снова за околицей
Весенней сутолоки звуки,
И март последней льдинкой колетя
В коснувшиеся снега руки.

И жмутся ручейки к обочинам,
И чудятся везде кораблики,
И фонари сияют ночью нам,
Как золотые дирижаблики.

На пяточке асфальта сереньком
Стою, нечаянно счастливая,
Намереваясь новым Берингом
Пройти опасными проливами.

2

У моей метели опустились крылья –
Тащится пешочком, но дойдет и так.
А меня на свете научить забыли,
Как от дел великих отличить пустяк.

На деревьях черных поразвесив небо,
Провожал до дома и лукавил март.
А теперь и правда, все равно, что небыль.
Март тасует строчки, как колоду карт.

То ли взгляд остался, то ли полсловечка,
То ли, шепелявя, снег сползает с крыш,
Вот и потерялось тонкое колечко,
Я тебя запомню, ты меня простишь.

Пророк МУХАММАД

(салаллохи алайхи вассалам)

خَادِمْ

Пожелай для других то, что желаешь для себя, чтобы быть верующим, и будь добр к соседям, чтобы быть мусульманином.

Бойтесь Бога, и справедливо судите (дела) между своими детьми, подобно тому, как вы хотите (от них) доброго отношения к себе.

Бойтесь проклятия угнетенного, так как его проклинания, как языки пламени, поднимаются до небес.

Аллах научил меня искусству слова — и хорошо научил.

Покуда можете, предупреждайте исполнение наказаний в отношении мусульман — для предводителя лучше ошибаться в награждениях, чем ошибаться в наказаниях.

Если Аллах хочет добра своему слуге, то очистит его перед смертью. Спрашивали: «Каким образом очищает его?» (Пророк (с)) сказал: «Вдохновляет его к совершению доброго дела и при исполнении отнимает душу у него».

Когда Аллах хочет творить что-либо, никто не может препятствовать Ему.

Наилучшая словесная милостыня — заступничество, через которое освобождаешь пленника и предотвращаешь кровопролитие и приносишь пользу и добро для своего брата и предупреждаешь зло от него.

Примирить двух (враждующих) — есть наилучшая милостыня.

У кого есть ум — спасется.

Когда не можете изменить что-либо, потерпите, пока Бог не изменит.

Если кого-нибудь из вас охватывает гнев — пусть сядет, если стоит, а если сидит (при этом), то пусть ляжет (дабы не действовать).

Помни о Боге — он твой помощник в делах.

Пользуется уважением больше всех тот, кто не вмешивается в дела, не касающиеся его.

Помилуй тех, которые находятся на земле, чтобы помиловал тебя Тот, который находится на небесах.

Лучшее дело после веры в Бога — есть дружба с людьми.

Если (вдруг) начнется День Суда и в этот день в руках у одного из вас останется саженец, то он должен посадить его, если успеет.

Бог наставлял вас к стараниям, так старайтесь!

Самые совершенные из верующих — те, которые обладают большим добронравием, и самые добрые из вас — те, которые больше всех добры в отношении жен своих.

Смотри, ты ничем не можешь превосходить краснокожего или чернокожего, кроме как чистотой нравов.

Аллах подкрепляет Ислам и через мужей немусульман.

Как только муж смотрит на свою жену, и жена смотрит на своего мужа, Бог с благословением созерцает их.

Бог не сотворил ни одной болезни без того, чтобы определить лечение его...

Сердце людское подобно воробью — каждый день меняется семь раз.

Бог красив и любит красоту. Бог щедр и любит щедрость. Бог чист и любит чистоту.

Ваша вера становится ветхой как ваша одежда. Попросите Аллаха, чтобы обновил вашу веру в ваших сердцах.

Знайте: Самый зоркий глаз тот, что устремлен к добродетели.

Знайте: Самый острый слух тот, что внимлет словам для бодрствования сердца.

Знайте: Довольство и владение над (своими) телесными желаниями — величайшая чистота непорочность.

Знайте: Ваше существо оценится только Раем и ничем, кроме Рая. Смотрите, не продешевите себя.

Знайте: Мудр тот, кто принимается за дело, тщательно обдумав и все предусмотрев.

Знайте: Незнающему не нужно стыдиться приобретать знания, ибо мера каждому — знания.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р.С.,
Председатель Редсовета.
президент Некоммерческо-
го партнерства «Ватаным»
 («Мое Отечество»), акаде-
мик Российской академии
медицинских наук, почетный
академик АН Республики
Татарстан, кардиохирург

Алишина Х.Ч.
доктор филологических
наук, профессор Тюменского
государственного универ-
ситета

Асадуллин Р.М.
президент Башкортос-
танской организации «Вата-
ным», ректор Башкирского
государственного педагогиче-
ского университета, док-
тор педагогических наук,
профессор

Володарская Э.Ф.
член правления «Вата-
ным», ректор Московского
института иностранных язы-
ков, главный редактор жур-
нала «Вопросы филологии»,
академик РАН

Давлетшин Г.М.
доктор исторических
наук, профессор Татарского
государственного гумани-
тарно-педагогического уни-
верситета

Нигматулин Р.И.
член правления «Вата-
ным», академик Российской
академии наук, директор
Института океанологии РАН

Рыбаков Р.Б.
директор Института вос-
токоведения РАН

Сейфуль-Мулюков Ф.М.
член правления «Вата-
ным», журналист-междуна-
родник

Смаков Р.М.
член правления «Вата-
ным», зам.председателя Вер-
ховного Суда РФ в отставке,
заслуженный юрист Россий-
ской Федерации

Табеев Ф.А.
член правления «Вата-
ным», в прошлом многолет-
ний руководитель Татарской
АССР, посол СССР в Афгани-
стане, первый заместитель
Председателя Совета Минис-
тров РСФСР

Тишков В.А.
директор Института этно-
логии и антропологии РАН,
академик РАН

Фатхтдинов Ф.К.
главный редактор рес-
публиканской общественно-
политической газеты Баш-
кортостана «Кызыл Тан»,
кандидат филологических
наук (Уфа)

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

**Зам. главного
редактора**
Ромен Гузаиров

**Исполнительный
директор**
Шавкат Янгильдин

Компьютерная верстка
Айгуль Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель
Некоммерческое партнерство содей-
ствия развитию институтов гражданского
общества «Ватаным»
Газета зарегистрирована Министерст-
вом по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851
от 10 ноября 2004 года
В розничной продаже цена свободная.

Редакция:
115184, Москва, М. Татарский пер.,
д.8
Тел./факс. (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки
и распространения)
E-mail: mail@tatworld.ru

Подписано в печать
20.02.2009 г.
Отпечатано в типографии
Р-мастер

Тираж 15 000 экз.

К шикарному дому подъехал роскошный тарантас. Услышав шум, человек в белом фартуке, только что подметавший двор пошел открывать ворота. Приезжий небрежно бросил ему вожжи и приказал вести к Ахмед-баю. Человек с метлой в руке спокойно сказал:

– Какое у тебя дело к нему? Я и есть Ахмед-бай.

Это был Ахмед-бай Хусаинов – владелец многомиллионного состояния, построивший на свои средства свыше ста мечетей, медресе и мектебе, и завещавший после своей смерти в пользу российских мусульман

то может сделать то, что не умеют другие. Однажды он узнал, что группа еврейских и немецких купцов скупает в округе Оренбурга кишки забитого домашнего скота. Тогда он тоже стал скупать эти кишки и продавать их заезжим торговцам. Потом решил обойтись без их помощи и стал сам сдавать кишки в посредническую контору, которая раньше брала кишки у немцев. Дальше – больше. Татарский торговец дошел до того, что стал обходиться и без услуг конторы. В 1893 г. он открывает в Берлине свой торговый дом и завозит в Германию большую партию

Азат АХУНОВ

Ахмед-бай Хусаинов

солидную часть своего капитала. Он родился в 1837 г. в Каргалинской слободе, неподалеку от Оренбурга. Предки его были состоятельными людьми, но отец Ахмед-бая промотал оставшееся от отца богатство и оставил своих многочисленных детей в нищете. Ахмед и его братья с раннего детства познали тяжелый труд: ходили на поденные работы, пасли скот богачей, делали кизяк и саманные кирпичи, работали по сути ради куска хлеба. Ахмед любым путем мечтал вырваться из униженной нищеты, откладывал заработанные крохи и накопил целых 5 рублей! Почувствовав себя увереннее, он переехал в Оренбург и на эти деньги начал мелочную торговлю. Ему сопутствовала удача, вскоре начинающий предприниматель сумел купить лошадь с упряжкой. Он решил, что не стоит заниматься делом в городе, где большая конкуренция, поэтому отправился торговать в казахские степи, нагрузив свою телегу различным штучным товаром. Ахмед не прогадал – простота и наивность казахов и полное отсутствие конкурентов помогли ему сделать начальное состояние. Переехав в Оренбург Ахмед-бай, вместе с братьями, начал профессионально заниматься торговлей и несказанно разбогател. После 35-летней совместной торговли, братья заработали состояние в 35 миллионов рублей! Но Ахмед-бай захотел самостоятельности, перебрался в Казань, где и продолжил свою успешную коммерческую деятельность. Он работал не щадя сил, а неудачи и неизбежные провалы еще больше раззадоривали его, делали умнее и изворотливее. Хусаинов был уверен в том, что он запрос-

Медресе Хусаиния в г. Оренбурге

кишок. Подобное же предприятие он организует и в Париже. Но незнание западных языков и реалий местного рынка не дали ему возможности развернуться на полную катушку. Чтобы нормально функционировать на западном рынке он обратился к услугам еврейских маклеров. В результате, он получал меньше дохода, хотя в целом прибыль пошла приличная. Но не имея возможности самостоятельно вести торговлю, несмотря на доход, он закрыл свои торговые дома. Из этого он вынес урок – для полноценной конкуренции с немецкими и еврейскими купцами необходимо знание языков, правил банковского обращения и хорошая финансово-экономическая подготовка. Он никогда не забывал о коммерции. Например, во время хаджа он заметил, что шкуры принесенного в жертву скота пропадают зря. Торговец собрался было организовать их сбор, но государство само занялось этим делом.

Ахмед-бай был очень набожным человеком, где бы он не был, никогда не пропускал обязательного пятикратного намаза. При этом не любил алчных, недостаточно усердно исполняющих свои обязанности мулл. При встрече он жестко критиковал их, при этом никогда не повышая голоса. Хусаинов уважал грамотных, сведущих людей. Если на должность имама в его приходе претендовал знающий, но молодой мулла, он, не раздумывая, брал его к себе. Ахмед-бай хоть и считался прижимистым человеком, но на образование деньги выделял с большим удовольствием. Он считал это богоугодным делом и никогда не экономил на благотворительности. Немало шакирдов учились на его средства в лучших мусульманских учебных заведениях Стамбула, Каира, Бейрута. Кроме того, он платил жалование сорока учителям, обеспечивал учебниками двести школ. Спонсировал на сотни ты-

сяч рублей медресе и мектебе. На хозяйственные нужды одного только оренбургского медресе «Хусаиния» Ахмед-бай израсходовал около ста тысяч рублей. При постройке мечетей, он требовал использования самого дорогого и качественного материала. Некоторые просители хотели от него полного финансирования, вплоть до внутреннего убранства мечети. В таких случаях, он говорил: «Если я вам дам все, вплоть до молитвенных ковриков, то боюсь, что в следующий раз вы попросите меня и намаз за вас прочитать». Тем не менее, за годы жизни в Казани он на свои средства построил около 20 мечетей и медресе. Известен случай, когда он профинансировал строительство православного храма. Для изготовления фундамента будущего кафедрального собора в Оренбурге он заказал наилучший строительный материал, а для того, чтобы фундамент получился крепким, со всей округи свез свыше миллиона яиц на котором рабочие замешивали раствор. Этот собор в 30-е гг. был взорван, но фундамент остался цел и невредим. За подобные поступки и за поддержку новометодных медресе, некоторые соплеменники обвиняли Ахмед-бая во всяческих прегрешениях, распускали слухи, что он дружен с миссионерами. Его недоброжелатели искренне радовались его неудачам и горевали от его успехов. Ахмед-бай не обращал на них внимания, был силен духом и не отчаивался.

Риза Фахретдинов, описывая биографию Ахмед-бая, отмечает его явную экономность и прижимистость, балансирующую на грани скупости. Говорят, что если не заставляли обстоятельства, то Хусаинов на поездках и пароходах всегда путешествовал самым дешевым классом. Когда другие люди угощались в ресторанах пароходов, он раскрывал в своей каюте кулек с домашней снедью. Долго торговался с извозчиками, а письма старался пересылать с нарочными, экономя на марках. Торговаться с ним было трудно, он бился за каждые полкопейки и достигал того, что товар покупал дешево, а продавал дорого. Он знал цену каждой копейке, которую заработал тяжелым трудом. Он говорил: «Кто копейку не ценит, тот и сам копейки не стоит». Даже самых уважаемых гостей он угощал обычной пшенкой, поэтому любители хорошо покушать обходили его дом стороной и писали об этом оскорбительные статьи в газеты.

Ахмед бай умер 10 декабря 1906 г. в Казани. На день смерти его состояние составило 1 миллион 600 тыс. рублей. Перед кончиной он думал не о своем деле, а заботился о просвещении нации, поэтому около 500 тысяч рублей завещал на образование мусульман. Он мечтал о светлом будущем своей нации и хорошо, что не дождался до революции 1917 г., когда все перевернулось с ног на голову.

ВНИМАНИЕ – ПОДПИСКА-2009

Нет дня, чтобы в редакции не было звонка с вопросом от читателя – где можно купить вашу газету. Этот же вопрос часто встречается и в редакционной почте. Такая востребованность, конечно, радует нас, значит, газета нужна, читателям интересно то, о чем мы пишем. И в новом году мы продолжим уже полюбопытствовавшим читателям рубрики «Судьбы наших современников», «Легенды спорта», «Наше наследие», «Мир искусства», «Страницы истории», «Детская страничка», «Актуальное интервью» и другие. Недавно появилась и будет регулярно продолжаться рубрика «Из жизни регионов». Она о том, как живут наши соотечественники на просторах России и за рубежом. Редакция планирует также чаще публиковать

очерки и статьи о выдающихся татарских военачальниках и полководцах, о мастерах театральной сцены, публиковать стихи и рассказы классиков и современных писателей татарской литературы. Появляются новые материалы ученых о богатой истории нашего народа, самые интересные результаты этих исследований станут достоянием и наших читателей. Заслуженным успехом пользуется у читателей рубрика «Тюркское пространство», где мы рассказываем о достижениях близких нам народов.

Словом, редакция газеты «Татарский мир» будет стремиться расширить и донести до каждого читателя глубокий многогранный мир духовного богатства татарского народа.

Мы рады сообщить нашим читателям: во всех отделениях почты России продолжается подписка на газету «Татарский мир».

Наш индекс 39614 в каталоге «Пресса России».

Выписывайте и читайте газету «Татарский мир»!

В этом же каталоге по индексу 39760 читатели могут подписаться на журнал «Восточный свет».

